

АФРО-АЗИАТСКИЕ СТРАНЫ: СОЦИУМ

DOI: 10.31857/S086919080003963-6

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ АФРАЗИЙСКОЙ ЗОНЫ
НЕСТАБИЛЬНОСТИ: ГЕНДЕРНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ

© 2019

А. В. КОРОТАЕВ^{a)}, К. В. МЕЩЕРИНА^{b)},
Е. В. СЛИНЬКО^{c)}, А. Р. ШИШКИНА^{d)}^{a) b) d)} – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Институт Африки РАН, Москва, Россия^{a)} ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3014-2037>; akorotayev@gmail.com^{b)} ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7447-1521>; kmeshcherina@hse.ru^{c)} МИА «Россия сегодня», Москва, Россия,ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1384-2712>; eslanko@gmail.com^{d)} ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2544-9184>; alisa.shishkina@gmail.com

Резюме: В статье рассматриваются ценностные ориентации Афразийской зоны нестабильности на основе двух гендерных измерений: потестарного и экономического. В Афразийскую зону нестабильности авторы включают Ближний Восток (включая Северную Африку) и Большой Средний Восток (включая Среднюю Азию и Пакистан), а также страны Сахеля. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что по некоторым ценностным показателям страны Афразийской зоны образуют достаточно компактный кластер, который заметно отличается как от стран Африки южнее Сахеля, так и от восточно-исламских стран (Бангладеш, Индонезия и Малайзия). При этом особо выражены в этих измерениях отличия стран Афразийской зоны от Африки южнее Сахеля. Восточно-исламские страны достаточно сильно отличаются от стран Афразийской зоны в политическом гендерном пространстве, однако их отличия не столь выражены в экономическом гендерном пространстве, хотя и эти отличия, тем не менее являются статистически значимыми. Данное обстоятельство неплохо коррелирует с тем, что для стран Африки южнее Сахеля характерна высокая экономическая активность женщин, что радикально отличает их от стран Афразийской зоны, для большинства которых характерны рекордно низкие показатели доли экономически активных женщин. В то же самое время страны восточного ислама (для которых характерны показатели доли экономически активных женщин, близкие к среднемировым) не столь сильно отличаются от стран Афразийской зоны по этому показателю (хотя эти различия все-таки достаточно значительны).

Ключевые слова: ценностные ориентации, количественный анализ, арабские страны, Афразийская зона нестабильности, исламский мир, демократические ценности, гендерное равноправие, патриархальные ценности.

Для цитирования: Коротаев А. В., Мещерина К. В., Слинко Е. В., Шишкина А. Р. Ценностные ориентации Афразийской зоны нестабильности: гендерные измерения. *Восток (Oriens)*. 2019. № 1. С. 122–154. DOI: 10.31857/S086919080003963-6

Благодарность: Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

VALUE ORIENTATIONS OF THE AFRASIAN ZONE OF INSTABILITY:
GENDER DIMENSIONSAndrey V. KOROTAYEV^{a)}, Kira V. MESHCHERINA^{b)},
Elena V. SLINKO^{c)}, Alisa R. SHISHKINA^{d)}

a) b) d) – National Research University “Higher School of Economics”;
 Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences Moscow, Russia
 a) ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3014-2037>; akorotayev@gmail.com
 b) ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7447-1521>; kmeshcherina@hse.ru
 c) International Information Agency “Russia Today” Moscow, Russia,
 ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1384-2712>; eslinko@gmail.com
 d) ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2544-9184>; alisa.shishkina@gmail.com

Abstract: *The article considers the value orientations of the Afrasian zone of instability on the basis of two gender dimensions: gender power and economic gender dimension. The authors include in the Afrasian zone of instability the Near and Middle East including North Africa, Central Asia and Pakistan, as well as the Sahel countries. The analysis allows to conclude that, according to some of the countries' values, the Afrasian zone forms a fairly compact cluster which differs markedly both from the countries of Africa south of the Sahel and from the Eastern Islamic countries, such as Bangladesh, Indonesia and Malaysia. The differences of the countries of the Afrasian zone from Africa south of the Sahel are especially pronounced in these dimensions. The Eastern Islamic countries differ quite strongly from the countries of the Afrasian zone in the political gender space. But their differences are not so obvious in the economic gender space, although these differences, however, are statistically significant. This fact correlates well with the fact that the countries of Africa south of the Sahel are characterized by high female labor force participation rates. This feature radically differentiates them from the countries of the Afrasian zone, for the majority of which extremely low female labor force participation rates are rather typical. At the same time, the Eastern Islamic countries where female labor force participation rates are close to the world average, do not differ so much from the countries of the Afrasian zone in the economic gender value dimension.*

Keywords: values, quantitative analysis, Afrasian instability zone, Islamic World, democratic values, gender equality, patriarchal values.

For citation: Korotaev A. V., Meshcherina K. V., Slinko E. V., Shishkina A. R. Value orientations of the Afrasian zone of instability: gender dimensions. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 1. Pp. 122–154. DOI: 10.31857/S086919080003963-6

Acknowledgements: This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2019 with support by the Russian Science Foundation (Project No. 18-18-00254).

К настоящему времени проблема ценностей, характерных для исламских стран вообще, и арабских стран в особенности, стала объектом многочисленных исследований. Большое внимание при этом уделялось политическим (и в особенности демократическим) ценностям [Ayubi, 1991; Tessler, 2002a, 2002b; Fattah, 2006; Moaddel, 2007b; Jamal, Tessler, 2008; Amaney et al., 2008; Pintak, Setiyono, 2011; Metcalfe, 2011; Forster, Fenwick, 2015; Inglehart, 2002, 2007, 2017; Grinin et al., 2018; Diwan, Tzannatos, Akin, 2018], трудовым ценностям [Dorfman, Howell, 1988; Kim et al., 1994; Yousef, 2000, 2001; Robertson et al., 2002; Ball, Haque, 2003; Hodge, 2005; Parboteeah et al., 2009; Al-Najjar, 2011; Rafiki, Wahab, 2014; Forster, Fenwick, 2015; Shirokanova, 2015; Hammoudeh, 2016; Diwan, Tzannatos, Akin, 2018], культурным [Baker, 2000; Whiteoak et al., 2006; Al-Kandari, Gaither, 2011; Al-Kandari, Gaither, 2011; Al Omoush et al., 2012; Chun et al., 2015], религиозным [Ball, Haque, 2003; Al-Kandari, Gaither, 2011; Khan, 2012; Panjwani, 2013; Fenwick, 2015; Huda, Kartanegara, 2015; Panjwani, Moulin-Stozek, 2017; Göle, 2017], семейным ценностям [Barakat, 1993; Baker, 2003; Al-Kandari, Gaither, 2011; Metcalfe, 2011; Beitin, Aprahamian, 2014], гендерным установкам [Костенко, 2014, 2017a, 2017b; Joseph, 1996; Tessler, 2002; Whiteoak et al., 2006; Elamin, Omair, 2010; Tlaiss, Kauser, 2011; Yeganeh, May, 2011; Metcalfe, 2011; Beitin, Aprahamian, 2014; Forster, Fenwick, 2015; Fox et al., 2016; Abbott, 2017; Glas, Spierings, Scheepers, 2018; Diwan, Tzannatos, Akin, 2018].

При этом в качестве объекта рассмотрения выступают арабские страны в целом [Костенко, 2017б; Стребкова, Понарин, 2017; Glidden, 1972; Tessler, 2002b; Jamal, Tessler, 2008; Al-Kandari, Gaither, 2011; AlOmoush et al., 2012; Ponarin, Kostenko, 2013; Fox et al., 2016; Hammoudeh, 2016], отдельные арабские страны [Hofstede, 1980; Ronen, Shenkar, 1985; Joma, 1991; Robertson et al., 2002; Tessler, 2002a; Richardson, 2004; Whiteoak et al. 2006; Forster, Fenwick, 2015; Abbott, 2017], в целом исламский мир (Hanafi, 2002; Ball, Haque, 2003; Fattah, 2006; Halstead, 2007; Nasr, 2009; Panjwani, 2013; Hammoudeh, 2016; Göle, 2017], отдельные неарабские исламские страны [Johns, 1987; Kabeer, 1991; Federspiel, 1998; Harahap, 2003; Pintak, Setiyono, 2011; Tafti et al., 2012; Muchtar et al., 2017], а также арабские или исламские диаспоры в различных странах мира [Костенко, 2014, 2017а; Osman, 1997; Zolberg, Woon, 1999; Hodge, 2002 Tessler, 2003; Cesari, 2004; Cukur et al., 2004; Ajrouch, 2005; Saroulou et al., 2009; Halstead, 2010; Al-Kandari, Gaither, 2011; Pintak, Setiyono, 2011; Kalliny, 2012; Chun et al., 2015].

Исследователи отмечают, что для мусульман характерны следующие ценностные ориентации:

1) *высокая религиозность* [Коротаев, Халтурина, 2008, с. 134–141; Халтурина, Коротаев, 2009, с. 155–162; Коротаев, Столярова, Халтурина, 2012; Ali, 1992; Kruckeberg, 1996, p. 181; Hodge, 2002; Inglehart, Norris, 2003a, b; Kenny, 2003; Yaran, 2003; Jandt, 2006; Inglehart, 2007, p. 32–38; Halstead, 2007; Al-Kandari, Gaither, 2011; Rafiki, Wahab, 2014; Huda, Kartanegara, 2015]. Такие фундаментальные ценности, как вера в Бога, пророчество Мухаммеда и Коран, как слово божье, несомненно, имеют огромную важность в мусульманском обществе [Moaddel, 2007b, p. 7]. Некоторые исследователи утверждают, что арабы и мусульмане в целом имеют предопределенное отношение к жизни и событиям вокруг, основанное на религии [Kruckeberg, 1996, p. 181]. События не происходят без воли Аллаха, поскольку его законы описывают Вселенную, а стихийные бедствия происходят как наказание за проступки и грехи людей [Jandt, 2006]. Ряд исследователей подчеркивают, что вера определяет поведение и нравственные качества мусульман [Ashraf, 1988, p. 76; Khan, 1987, p. 28], объединяя понятия морального и религиозного долга как две стороны одной монеты [Halstead, 2007]. В частности, по результатам опроса, проведенного в Египте, Иордании, Саудовской Аравии, Иране, 79–85% жителей этих стран утверждают, что религия имеет большое значение в их жизни [Moaddel, 2007a, p. 214], а порядка 94% совершенно точно заявляют, что они верят в жизнь после смерти, существование рая и ада [Moaddel, 2007a, p. 214; Тищенко и др., 2010, с. 384–387], при этом считается, что эвтаназия и аборт нарушают сакральность человеческой жизни, что ведет к крайне отрицательному отношению к этим явлениям в исламских странах [Haddad, Smith, 1996; Zuhur, 1995]. Вместе с тем Р. Инглхарт отмечает, что в посткоммунистических исламских странах уровень религиозности заметно ниже, чем в исламских странах, никогда не бывших под властью коммунистов [Inglehart, 2007, p. 32–38];

2) *патриархальные ценности и низкий уровень поддержки гендерного равенства* [Тищенко и др. 2010, с. 384–387; Костенко, 2014, 2017а; Barakat, 1993; Kulwicki, 1996; Abu-Habib, 1997; Fish, 2002; Read, 2003; Inglehart, 2003a, 2003b; Norris, Inglehart, 2004; Whiteoak et al., 2006; Moaddel, 2007a, p. 228; Inglehart, 2007, p. 45; Elamin, Omair, 2010; Alexander, Welzel, 2011b, с. 2015; Yeganeh, May, 2011; Inglehart, 2017]. Патриархальные ценности подразумевают ограничение роли женщины в семье, экономике и политике, возвышение мужчины-кормильца, который требует полного уважения и послушания [Barakat, 1993]. Многие исследователи отмечают, что для мусульман характерно пониженное отрицание полигамности [Moaddel, 2007a, p. 224–228], особое традиционное негативное отношение к вступлению в брак без согласия родителей, неодобрение разводов и абортов [Norris, Inglehart, 2002]; впрочем, некоторые авторы [Лопатина и др., 2016] достаточно убедительно показывают, что отрицательное отношение к абортam связано прежде

всего с глубокой религиозностью, и при этом совсем не обязательно исламской. Своего рода традиционность в отношениях с женщиной передается через отказ от социального взаимодействия мальчиков и девочек и подчеркивание необходимости раздельного обучения после детского сада [Simmons, Simmons, Allah, 1994; Mahmoud, 1996]. Низкий уровень поддержки гендерного равенства выражается в отрицании равных прав на работу у мужчин и женщин (в особенности, если рабочих мест не хватает), отсутствии положительного отношения к женщине как к хорошему управленцу и/или политическому лидеру [Paxton, Kunovich, 2003; Rizzo et al., 2007, p. 1164; Stockemer, 2015], или даже в отрицании прав на получение образования и т. д. [Afshah, 1996];

3) *запрос на демократические ценности*. Важным открытием здесь было то, что, по данным Всемирного исследования ценностей, для большинства мусульманских стран оказался характерным очень высокий уровень поддержки идеи демократического образа правления [Inglehart, 2002, 2007, 2017; Rizzo et al., 2007; Rowley, Smith 2009], при этом особо высокой поддержкой утверждение о том, что «демократия является наилучшей формой правления», пользовалось в мусульманских странах именно среди глубоко религиозных мусульман [Al-Braizat, 2002; Moaddel, 2006; Tessler, 2002a, 2002b; Tessler, Altinoglu, 2004; Hoffman, Jamal, 2014; Spierings, 2014]. Как мы уже отмечали в одной из наших предыдущих работ, это в общем-то и неудивительно. Действительно, «бурный рост популярности демократических идей среди многих исламистов связан с тем, что исламистские представления пользуются широкой поддержкой населения в значительном числе мусульманских стран, а значит, они имеют там самые реальные шансы прийти к власти демократическим путем. Действительно, проведение свободных выборов там вполне закономерно заканчивается победой исламистов, что не может не вызывать у многих исламистов симпатии к этой форме политической организации государства» [Grinin, Korotayev, Tausch, 2018, с. 77–78]. Однако, как справедливо отмечает М. Тесслер [Tessler, 2002a, 2002b], несмотря на очевидное предпочтение демократии среди мусульманской общественности, только одна четверть всех исламских стран являются демократиями (да при этом неконсолидированными).

Большинство исследований в этой области (см., например: [Hayes, McAllister, Studlar, 2000; Inglehart, Baker, 2000; Inglehart 2002, 2003b, 2007, 2017; Inglehart, Norris, 2003a, 2003b; Alexander, Welzel, 2011a,b,c] основываются на идее о том, что реальная разница между Западом и мусульманским миром заключается не в приверженности демократии (так как приверженность к ней сейчас очень сильна в мусульманском мире), а в разных взглядах на гендерные и семейные проблемы.

4) *трудовая этика мусульман*. Многие исследователи подчеркивают важность бизнеса и торговли для ислама (см., например: [Ali, 1992; Yousef, 2000, 2001]). А. Али [Ali, 1992] и Д.А. Юсеф [Yousef, 2000, 2001] называют учение Пророка о бизнесе и работе исламской трудовой этикой. Это дает набор рекомендаций о том, как работать и вести бизнес. Работа должна быть выполнена в меру своих способностей, деловые и рабочие отношения должны быть честными и открытыми для поощрения доверия, и должно быть справедливое отношение к работникам. Особо отметим чрезвычайно интересный результат, полученный недавно А. Широкановой, которая совершенно убедительно показала, что современные мусульмане демонстрируют более высокий уровень протестантской трудовой этики, чем современные протестанты [Shirokanova, 2015]. Отметим, что это прекрасно коррелирует с проведенными нами ранее исследованиями, показавшими, что протестантская трудовая этика в настоящее время свойственна жителям развивающихся стран в большей степени, чем развитых [Тищенко, Коротаев, Халтурина, 2010], что, на наш взгляд, является важным (хотя и отнюдь не единственным) фактором идущих после конца 1980-х гг. процессов Великой конвергенции, когда темпы экономического роста развивающихся стран систематически заметно превышают таковые в странах развитых [Коротаев, Халтурина, 2008; Grinin, Korotayev, 2015].

5) *высокий уровень поддержки политического ислама/исламизма в большинстве непосткоммунистических мусульманских стран* [Karatnicky, 2002; Tausch, 2013, 2014, 2015a, 2015b, 2015c, 2016a, 2016b, 2017; Achilov, Sen, 2016; Grinin et al., 2018]; при этом Ачилов и Сен показывают, что большинство религиозных мусульман поддерживают политически умеренный ислам, и лишь меньшинство – радикальный исламизм [Achilov, Sen, 2016].

Исследователи отмечают, что особенно характерны многие из этих ценностных ориентаций для жителей арабских стран. Речь идет о таких ценностях, как:

1) высокая религиозность [Ali, 1992; Hodge, 2002; Al-Kandari, Gaither, 2011; Тищенко и др., 2010, с. 384–387];

2) высокий уровень коллективизма [Jafari, 1993; Kim et al., 1994; Kelly, Aridi, Bakhtiar, 1996; Haynes et al., 1997; Ali, Taqi, Krishman, 1997; Robertson et al., 2002; Al-Kandari, Gaither, 2011];

3) патриархальные ценности и чрезвычайно низкий уровень поддержки гендерного равенства [Тищенко и др., 2010, с. 384–387; Костенко, 2017; Стребкова, Понарин, 2017; Barakat, 1993; Joseph, 1996; Fish, 2002; Inglehart, Norris, 2003; Zakaria, 2003; Whiteoak et al., 2006; Rizzo et al., 2007; Alexander, Welzel, 2011a,b,c, 2015; Ponarini, Kostenko, 2013; Beitin, Aprahamian, 2014; Tausch, 2014; Forster, Fenwick, 2015; Kostenko, Kuzmichev, Ponarini, 2014, 2017; Abbott, 2017; Inglehart, 2017; Diwan, Tzannatos, Akin, 2018]. В ряде работ отмечается, что сохранение патриархальных ценностей в арабских обществах является препятствием для развития женщин, детей, семьи и государства в целом, оно негативно влияет на сферы образования, труда, прав человека и развитие демократии [Костенко, 2017; Joseph, 1996; Inglehart, 2002, 2003b, 2007, 2017; Inglehart, Norris, 2003a, 2003b; Norris, Inglehart, 2002];

4) высокая ценность семьи (см., например: [Barakat, 1993, с. 4; Beitin, Aprahamian, 2014]). Семья имеет огромное значение в арабском обществе. Для арабов характерно преобладание таких ценностей, как самоотречение и забота о членах своей семьи [Baker, 2003]. Сравнивая ценности жителей арабских стран и жителей Запада, Баракат пишет, что «...хотя американцы могут поменять свою работу и место жительства ради новых возможностей, арабы будут оставаться там, где находится их семья, поскольку ислам предписывает людям объединяться, чтобы достичь взаимного благополучия...». [Barakat, 1993, р. 5]. Сибай и Ямут [Sibai, Yamut, 2012] отмечают, что одной из главных особенностей арабских стран является социальная культура, основанная на исламских ценностях и принципах и формирующая, в частности, определенную систему поддержки между поколениями. Исламский кодекс поведения в этом случае предписывает помощь пожилым людям внутри семьи, и подобные принципы закрепляются законами и продвигаются заинтересованными людьми.

5) Особо отметим большой блок исследований, посвященных культурным ценностям, в том числе жителей арабских и/или мусульманских стран, который строится на типологии культурных измерений, разработанной Герттом Хофстеде [Hofstede, 1980; Ronen, Shenkar, 1985; Vitell et al., 1993; Geletkanycz, 1997; Dorfman, Howell, 1988; Shane et al., 1995; Robertson et al., 2002; Al-Kandari, Gaither, 2011]. Исследование Г. Хофстеде [Hofstede, 1980] выделило в качестве характерных для арабских стран такие ценности, как высокая маскулинность, избегание неопределенности и дистанцированность от власти. Среди культурных ценностей, определяющих арабскую культуру, исследователи этого направления выделяют, например, уважение к истории, уважение чести и неприятие критики и отрицательной оценки [Al-Kandari, Gaither, 2011]; при этом отмечается, что установление и поддержание взаимоотношений с арабскими партнерами невозможно без понимания культурных ориентаций арабов [Al-Kandari, Gaither, 2011].

б) Политическим ценностям жителей арабских стран посвящены работы Аюби [Ayubi, 1991], Роя [Roy, 1996], Хамфрис [Humphreys, 1979], Тесслера [Tessler, 2002a, 2002b, 2003], Фуллера [Fuller, 2003] и многих других. Одно из наиболее известных открытий, сделанных специалистами в этой области, заключается в выявлении положительного отношения большинства жителей арабских стран к демократическому политическому устройству [Inglehart, 2002, 2007, 2017; Al-Braizat, 2002; Tessler, Altinoglu 2004, Moaddel, 2006; Rizzo et al., 2007; Jamal, Tessler, 2008; Spierings, 2014]. Так, Джамал и Тесслер [Jamal, Tessler, 2008] утверждают, что в арабских обществах фиксируется значительный запрос на демократические ценности. По их мнению, демократические идеи становятся все более популярными среди жителей арабского мира и находят все больше сторонников. Некоторые предпочитают светскую демократию, другие – исламскую демократическую республику, однако все эти люди одинаково положительно относятся к демократии. Жители арабских стран хотя бы политических свобод, ответственности государства перед населением и т. д. С. Чифчи и Е.М. Берник [Ciftci, Bernick, 2015] считают, что образование и занятость повышают гражданский интерес, членство в ассоциациях, а также участие в демонстрациях и политических кампаниях в арабском мире. Арабская весна, по их мнению, продемонстрировала, что поколение высокообразованных активистов, воспевающих лозунги свободы, достоинства и справедливости, стало новой движущей силой в арабских странах.

Однако, как было показано еще М. Фишем и Р. Инглхарт, некоторые другие аспекты ценностных ориентаций жителей арабских стран (и прежде всего низкий уровень распространения ценностей самовыражения, низкая толерантность и слабая поддержка гендерного равенства) значительно препятствуют построению демократии в этих странах [Fish, 2002; Inglehart, Norris 2003a; 2003b; Inglehart, 2002, 2007, 2017; Spierings, 2014; Grinin et al., 2018]. Так, Фиш [Fish, 2002] выделяет отсутствие гендерного равенства, которое определяет большой разрыв между уровнем образования у мужчин и женщин в мусульманском обществе, а превосходство мужчины создает культуру доминирования и зависимости от социальной и политической жизни [Fish 2002, p. 27]; (см. также: [Inglehart, Norris 2003a; 2003; Inglehart, 2017]). Другим не менее важным аспектом является низкий уровень толерантности и гражданской терпимости в исламских странах (в том числе отношение к этническим меньшинствам, членам других религиозных групп, расовым группам, иммигрантам и др. и их правам и свободам [Gibson, 1992; Sullivan et al., 1981; Rizzo et al., 2007]), с чем могут быть связаны определенные проблемы со становлением в арабском мире эффективной демократии, развитием политического плюрализма и улучшением возможности публично выражать точку зрения [Esmer, 2002; Moaddel, 2007a, p. 233].

Наконец, в своей знаменитой обобщающей работе¹ Р. Инглхарт и К. Вельцель отмечают, что в целом для исламских обществ характерны сильно выраженные традиционно-религиозные (а не секулярно-рациональные) ценности², с одной стороны, и ценности выживания (а не ценности самовыражения) – с другой.

Основные результаты проделанной Инглхартом и Вельцелем попытки кластеризировать страны мира в пространстве ценностных ориентаций представлены на их «Культурной карте мира» (см. *рис. 1*).

Нетрудно видеть, что применительно к интересующим нас странам результатом исследований Инглхарта и Вельцеля стало выделение африкано-исламского кластера стран, ха-

¹ См. [Инглхарт, Вельцель, 2011; Inglehart, Welzel, 2005]. См. также: [Inglehart, 2002, 2003b, 2007, 2017].

² В особенности если речь идет о непосткоммунистических исламских странах. В исламских странах, проводивших значительное время под властью коммунистов, традиционно-религиозные ценности распространены заметно меньше, а секулярно-рациональные ценности имеют значительно большую поддержку.

рактизирующегося, с одной стороны, очень низкой распространенностью секулярно-рациональных ценностей (и соответственно высокой распространенностью ценностей традиционно-религиозных), а с другой стороны, высокой распространенностью ценностей выживания (и соответственно низкой распространенностью ценностей самовыражения).

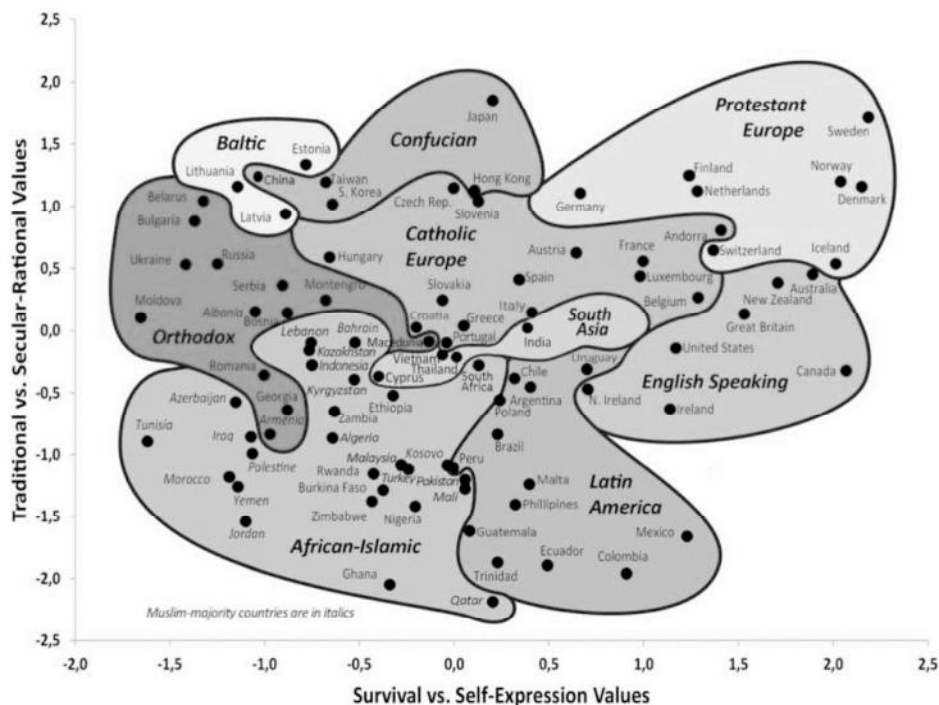

Рис. 1. «Культурная карта мира» Инглхarta – Вельцеля

Ввиду того колоссального авторитета, которым достаточно заслуженно пользуются Р. Инглхарт и его группа в области исследования глобальных ценностных ориентаций, представляется необходимым выяснить, с одной стороны, в полной ли мере оправданно объединение всех исламских и африканских обществ в единый мегакластер; с другой – начать исследование внутренней структуры данного мегакластера – постараться понять, какие кластеры и субкластеры могут быть выделены в рамках афро-исламского мегакластера.

В связи с этим представляется уместным обратить внимание на то обстоятельство, что проведенные нами ранее исследования позволили выделить Африканскую зону нестабильности, в которую входят Ближний Восток (включая Северную Африку) и Большой Средний Восток (включая Среднюю Азию и Пакистан), а также страны Сахеля [Коротаев, Исаев, 2014; Коротаев и др., 2014, 2015, 2016; Korotayev et al., 2016] (см. рис. 2).

Эти страны характеризуются в последние годы особо высоким уровнем социально-политической нестабильности (см., напр.: [Гринин и др., 2014; Коротаев, Исаев, 2014; Коротаев и др., 2014, 2015, 2016]). Их можно отождествить с ареалом арабо-исламской цивилизации, включающим те государства, которые испытали на себе не только исламское, но и мощное арабское влияние, которое зачастую отнюдь не было тождественно исламскому влиянию [Коротаев, 2003; Тищенко и др., 2010; Коротаев, Клименко, Прусаков, 2007; Коротаев, Исаев, Руденко, 2014; Korotayev, 2000].

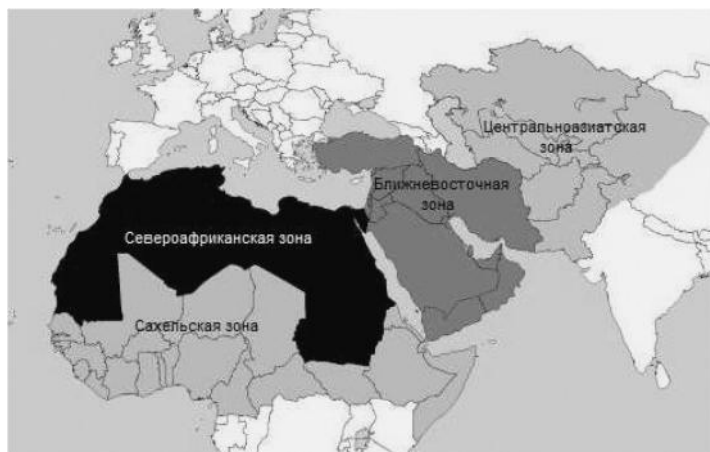

Рис. 2. «Афразийская» макрizona нестабильности

Предыдущие исследования показали, что ядром этой зоны является территория максимальной экспансии Омейядского халифата³, которая к тому же оказывается почти идеально тождественной современному ареалу стран с особо низкой долей экономически активных женщин [Korotayev, Issaev, Shishkina, 2013, 2015] (см. рис. 3):

«Афразийская» зона нестабильности	Страны с наименьшей долей экономически активных женщин
Традиционная зона распространения ортокузенного брака	Территория Омейядского халифата (на 750 г.)

Рис. 3. Традиционная зона распространения ортокузенного брака, территория Омейядского халифата, зона сверхнизкой женской занятости и Афразийская макрizona нестабильности в сопоставлении

³ За исключением Пиренейского полуострова, выпавшего из зоны арабо-исламской цивилизации в результате Реконксты (718–1492).

Характерным маркером этой зоны выступает присутствие патрилатерального ортокузенного брака (т. е. брака между зятем и дочерью брата его отца). С одной стороны, священные тексты ислама ни в коей степени не предписывают такой формы брака (но и не запрещают его). С другой стороны, в большинстве культур мира такой брак считается инцестуозным, так как речь идет о браке внутри одного рода, тогда как в большинстве традиционных обществ (за пределами Афразийской зоны) браки внутри рода строжайшим образом запрещены, поэтому в тех случаях, когда становление ислама не сопровождалось мощным арабским влиянием (как, например, в Юго-Восточной Азии или в Поволжье), распространение ортокузенного брака не наблюдалось.

Все это позволяло нам ожидать, что для Афразийской зоны должны фиксироваться некие собственные ценности, выделяющие ее из общего африкано-исламского кластера. Для выявления этих ценностей нами была построена корреляционная матрица на основе базы данных Всемирного исследования ценностей (WVS 2018), с включением туда переменной «Афразийская зона», где странам Афразийской зоны было присвоено значение «1», а всем остальным странам – «0». В качестве стран Афразийской зоны были маркированы следующие страны из выборки Всемирного исследования ценностей: Алжир, Бахрейн, Буркина-Фасо, Египет, Гана, Иран, Ирак, Иордания, Казахстан, Кувейт, Кыргызстан, Ливан, Ливия, Мали, Марокко, Нигерия, Пакистан, Палестина, Катар, Саудовская Аравия, Тунис, Турция, Узбекистан, Йемен.

В этой статье мы начинаем представление полученных нами результатов. Рассмотрение начнем с гендерных ценностей, выделяющих страны Афразийской зоны из всего остального мира (при этом, как мы могли это видеть выше, проведенные ранее исследования достаточно убедительно показали, что данные ценности играют исключительно важную маркирующую роль для интересующего нас мир-системного региона). Предварительный анализ позволил выделить в качестве таковых следующие пять переменных:

1. D078: Из мужчин получаются лучшие руководители бизнеса, чем из женщин.
2. D059: Мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины.
3. D066: Если жена зарабатывает больше, чем ее муж, это почти наверняка вызовет проблемы (В).
4. E233: У женщин и мужчин равные права.
5. C001: Когда рабочих мест мало, у мужчин должно быть больше прав на работу, чем у женщин.

С использованием данных этих пяти переменных нами был проведен дискриминантный анализ для шести предполагаемых кластеров⁴, давший следующие результаты (см. табл. 1–3):

Т а б л и ц а 1

Стандартизированные канонические коэффициенты дискриминантных функций

	Функция				
	1	2	3	4	5
Из мужчин получаются лучшие руководители бизнеса, чем из женщин	0.344	-1.240	-0.791	-0.709	1.523
Мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины.	0.811	-0.031	0.359	0.302	-1.582

⁴ 1=Афразийская зона, 2=Восточная Европа и страны бывшего СССР, 3=Запад (Западная Европа и бывшие англосаксонские переселенческие колонии (США, Канада, Австралия, Новая Зеландия)), 4=Латинская Америка, 5=Африка южнее Сахеля, 6=Азия.

	Функция				
	1	2	3	4	5
Если жена зарабатывает больше, чем ее муж, это почти наверняка вызовет проблемы (В).	-0.071	1.183	-0.226	-0.431	-0.185
У женщин и мужчин равные права.	0.043	0.439	-0.091	1.005	0.348
Когда рабочих мест мало, у мужчин должно быть больше прав на работу, чем у женщин.	-0.181	0.739	1.114	0.282	0.346
Собственное число	4.8	1.56	0.10	0.5	0
% объясненной вариации	73.7	23.9	1.6	0.8	0
Кумулятивный %	73.7	97.7	99.2	100	100
Каноническая корреляция	0.91	0.78	0.30	0.22	0.003

Примечание: Объединенные внутригрупповые корреляции между дискриминирующими переменными и стандартизированными каноническими дискриминантными функциями. Переменные ранжированы по абсолютным величинам корреляции внутри функции. В анализе были использованы первые пять канонических дискриминантных функций.

* Наиболее сильные корреляции между каждой переменной и любой дискриминантной функцией.

^a Данная переменная в анализе использована не была; ^b Значения корреляций с модулем менее |0.1| не указаны.

Т а б л и ц а 2

Тест функций Уилкса

Тест функций	λ Уилкса	χ^2	df	Статистическая значимость
1 – 5	0.58	157.7	25	<0.001
2 – 5	0.338	60.2	16	<0.001
3 – 5	0.864	8.1	9	0.520
4 – 5	0.953	2.7	4	0.611
5	1	0.001	1	0.980

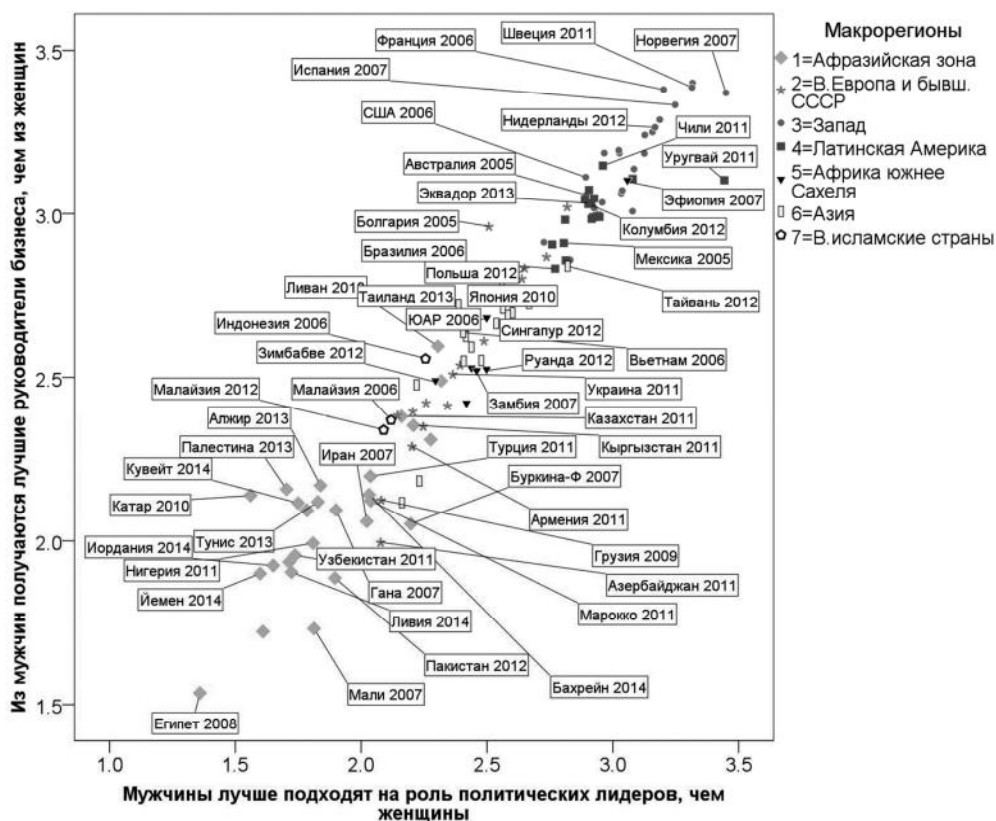
Т а б л и ц а 3

Значения функций в центроидах групп

Цивилизация	Функция				
	1	2	3	4	5
Африканская зона	-2.52	-0.338	-0.23	-0.08	-1,8*10 ⁻⁵
Восточная Европа и страны бывшего СССР	-0.183	+1.33	+0.025	+0.40	-0.001
Запад	+2.79	+1.27	-0.25	-0.175	+0.003
Латинская Америка	+2.73	-2.16	-0.094	+0.09	-0.002
Африка южнее Сахеля	-0.76	-1.28	+0.59	+0.15	+0.01
Азия	+0.023	+0.49	+0.51	-0.227	-0.003

Примечание: Средние значения для каждой группы нестандартизированных канонических дискриминантных функций.

Как мы видим, первые две функции объясняют 97.7% всей вариации. Анализ стандартизованных канонических коэффициентов дискриминантных функций позволяет утверждать, что первая дискриминантная функция может быть интерпретирована как потестарное гендерное измерение, отражающее отношение респондентов к исполнению женщинами властных функций на уровне государства в целом, или отдельного коммерческого предприятия. Действительно, наиболее высокое значение стандартизованного канонического коэффициента для первой функции имеет переменная D059 («мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины»), а за ней следует переменная D078 («из мужчин получаются лучшие руководители бизнеса, чем из женщин»). Вместе с тем последняя переменная имеет наиболее высокое значение модуля стандартизованного канонического коэффициента для второй функции, где за ней с совсем небольшим отрывом следует переменная D066 («если жена зарабатывает больше, чем ее муж, это почти наверняка вызовет проблемы»), а за ней идет переменная C001 («когда рабочих мест мало, у мужчин должно быть больше прав на работу, чем у женщин»). Это позволяет интерпретировать вторую функцию как экономическое гендерное измерение. В обоих измерениях африкарийские страны образуют достаточно выраженные кластеры. Рассмотрим сначала как страны Африкарийской зоны выглядят в первом измерении (см. *рис. 4*).

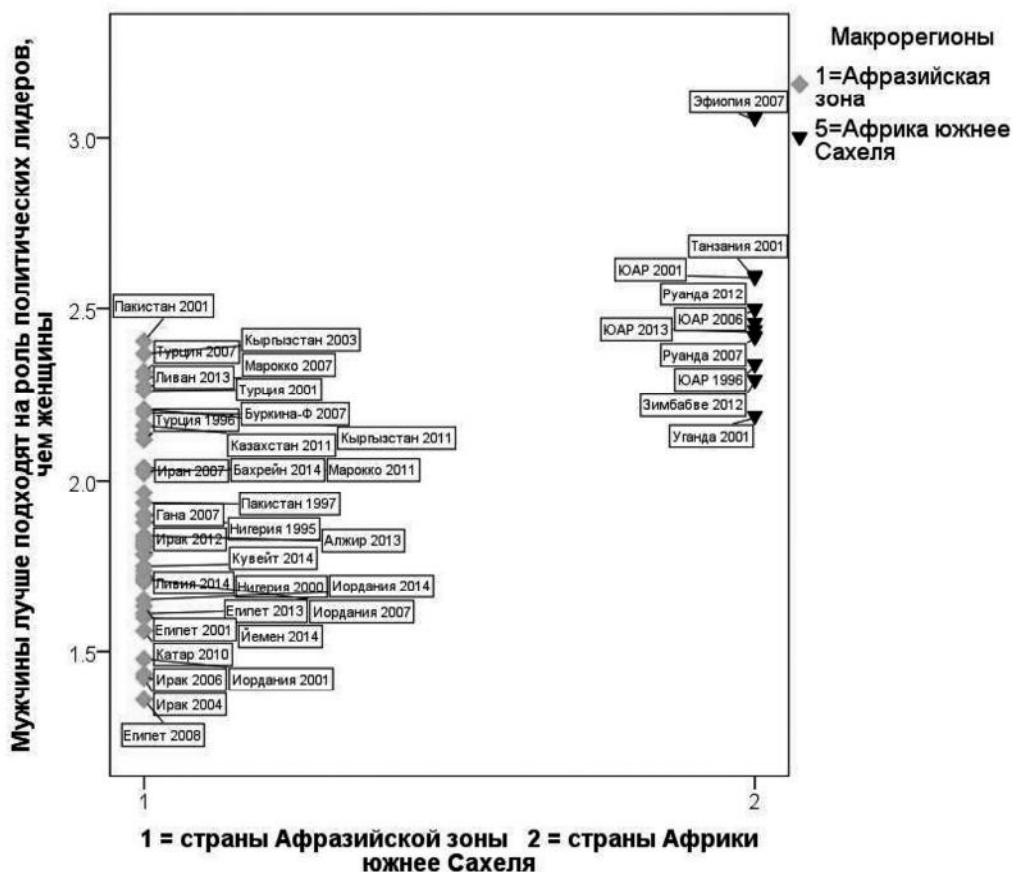
Источник данных: WVS 2018.

Примечание: $r = 0.969$, $R^2 = 0.939$, $p < 0.001$.

Рис. 4. Корреляция между отношением к женщинам как политическим лидерам и как руководителям бизнеса

Необходимо отметить, что ответы на два соответствующих вопроса закодированы Р. Инглхартом следующим образом: 1=полностью согласен, 2=согласен, 3=не согласен, 4=абсолютно не согласен. Таким образом, с одной стороны, чем дальше страна находится вправо на *рис. 4*, тем больше ее жители не согласны с тем, что женщины меньше подходят на роль политических лидеров, чем мужчины. С другой стороны, чем выше страна находится на том же графике, тем в большей степени ее жители не согласны с тем, что из женщин получаются худшие руководители бизнеса, чем из мужчин.

Нетрудно увидеть, что в наименьшей степени с представлением о том, что мужчины – это лучшие руководители и в бизнесе, и в политике, согласны жители стран Запада. Впрочем, достаточно близко к ним находятся жители стран Латинской Америки, также в большинстве своем несогласные с тем, что женщины – это худшие лидеры в бизнесе и политике, чем мужчины. Представители стран Африки южнее Сахеля, Азии и Восточной Европы (включая бывшие советские республики) занимают промежуточное положение, формируя центральный кластер. К ним примыкают и исламские страны к востоку от Индии («восточные» исламские страны: Бангладеш, Малайзия и Индонезия).

Примечание: t-тест: $t = -8,03$, $p < 0,001$.

Рис. 5. Отношение респондентов стран Афразийской зоны и Африки южнее Сахеля к утверждению «Мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины»

Примечание: t-тест: $t = -5.47$, $p < 0.001$.

Рис. 6. Отношение респондентов стран Афразийской зоны и Африки южнее Сахеля к утверждению «Из мужчин получают лучшие руководители бизнеса, чем из женщин»

Действительно, как мы видим, между странами Афразийской зоны и Африкой южнее Сахеля наблюдаются безусловно статистически значимые различия по отношению к женскому лидерству как в политике, так и бизнесе. Жители Африки южнее Сахеля относятся к этому лидерству значимо более позитивно, чем жители стран Афразийской зоны.

Те же самые статистически значимые различия между Афразийской зоной и Африкой южнее Сахеля прослеживаются и, если сопоставления проводить не на уровне средних значений стран, а на уровне отдельных респондентов, проживающих в странах соответствующих зон (см. табл. 4–5).

Т а б л и ц а 4

Отношение респондентов стран Афразийской зоны и Африки южнее Сахеля к утверждению «Мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины»

		Макрорегионы		Итого
		Афразия	Африка южнее Сахеля	
Отношение к утверждению «Мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины» (D059)	Полностью согласен	29 038	4648	33 686
		43.9%	19.7%	37.5%
	Согласен	20 065	7379	27 444
		30.3%	31.2%	30.6%
	Не согласен	12 555	7847	20 402
		19.0%	33.2%	22.7%
	Категорически не согласен	4462	3754	8216
		6.7%	15.9%	9.2%
Итого		66 120	23 628	89 748
		100.0%	100.0%	100.0%

Примечание: $\rho = 0.256$, $p < 0.001$; $\gamma = 0.428$, $p < 0.001$.

Как мы видим, доля полностью согласных с утверждением «Мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины» в странах Афразийской зоны более чем в 2 раза выше, чем в странах Африки южнее Сахеля, и, наоборот, в странах Тропической и Южной Африки доля категорически несогласных с этим утверждением почти в 3 раза превышает таковую в странах Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки и Сахеля.

Т а б л и ц а 5

Отношение респондентов стран Афразийской зоны и Африки южнее Сахеля к утверждению «Из мужчин получаются лучшие руководители бизнеса, чем из женщин»

		Макрорегионы		Итого
		Афразия	Африка южнее Сахеля	
Отношение к утверждению «Из мужчин получаются лучшие руководители бизнеса, чем из женщин» (D078)	Полностью согласен	13 394	2547	15 941
		34.9%	16.8%	29.8%
	Согласен	12 802	4376	17 178
		33.3%	28.9%	32.1%
	Не согласен	8964	5279	14 243
		23.3%	34.8%	26.6%
	Категорически не согласен	3241	2956	6197
		8.4%	19.5%	11.6%
Итого		38 401	15 158	53 559
		100.0%	100.0%	100.0%

Примечание: $\rho = 0.233$, $p < 0.001$; $\gamma = 0.383$, $p < 0.001$.

Как мы видим, столь же разителен контраст между двумя макрорегионами и в плане отношения к утверждению «Из мужчин получаются лучшие руководители бизнеса, чем из женщин»: в странах Африки южнее Сахеля к этому утверждению относятся заметно более негативно.

Отметим, что статистически значимое различие по показателю отношения к способности женщины быть политическим лидером прослеживается между странами Афразийской зоны и восточно-исламскими странами (Бангладеш, Малайзия и Индонезия) (см. табл. 6).

Т а б л и ц а 6

Отношение респондентов стран Афразийской зоны и восточно-исламских стран к утверждению «Мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины»

		Макрорегионы		Итого
		Афразия	Исламские страны	
Отношение к утверждению «Мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины» (D059)	Полностью согласен	29 038	1421	30 459
		43.9%	20.4%	41.7%
	Согласен	20 065	2932	22 997
		30.3%	42.2%	31.5%
	Не согласен	12 555	2183	14 738
		19.0%	31.4%	20.2%
	Категорически не согласен	4462	416	4878
		6.7%	6.0%	6.7%
Итого		66 120	6952	73 072
		100.0%	100.0%	100.0%

Примечание: $p = 0,124$, $p < 0,001$; $\gamma = 0,320$, $p < 0,001$.

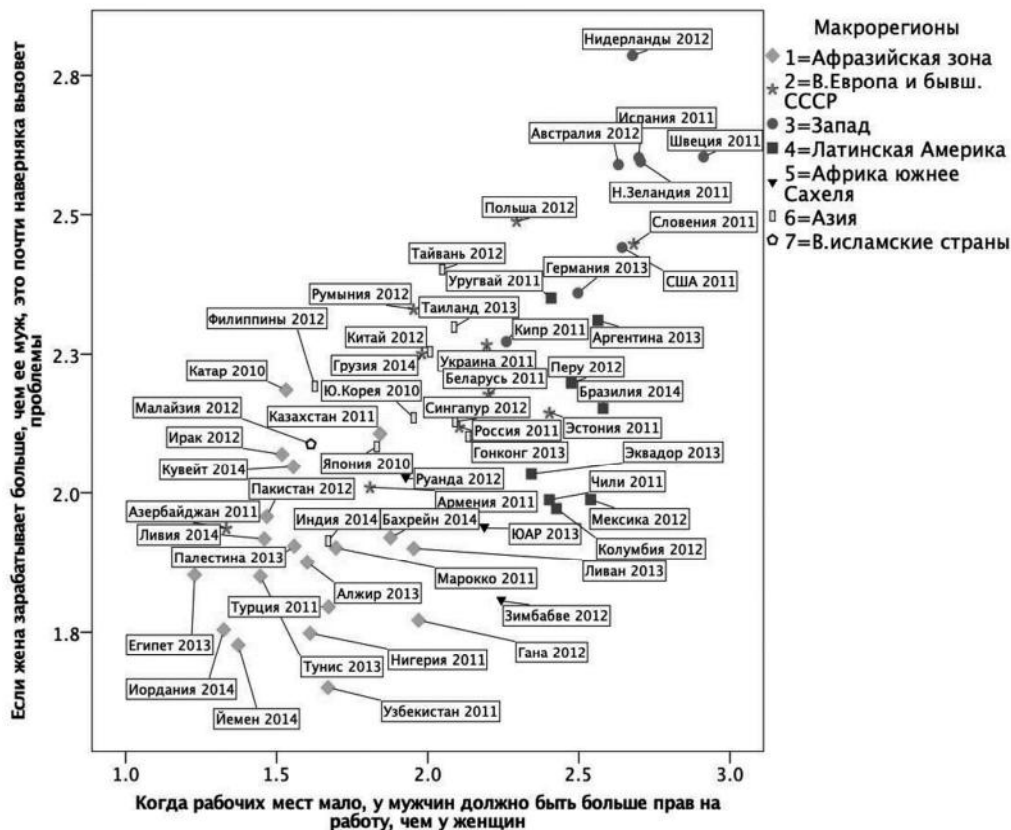
Рассмотрим теперь, как страны Афразийской зоны выглядят в экономическом гендерном измерении (см. рис. 7).

Необходимо отметить, что переменная D066 «Если жена зарабатывает больше, чем ее муж, это почти наверняка вызовет проблемы» была закодирована Р. Инглхартсом как: 1=согласен, 2=ни то, ни другое (*neither*), 3=не согласен, а переменная C001 «Когда рабочих мест мало, у мужчин должно быть больше прав на работу» имела отличную от переменной D066 кодировку: 1=согласен, 2=не согласен, 3=ни то, ни другое (*neither*)⁵.

Таким образом, чем дальше страна находится вправо на рис. 7, тем больше ее жители не согласны с тем, что, когда рабочих мест мало, у мужчин должно быть больше прав на работу. Однако чем выше страна находится на том же графике, тем в большей степени ее жители не видят проблемы в том, что жена зарабатывает больше мужа.

Сразу же отметим, что корреляция между двумя индикаторами к отношению к экономическому гендерному неравенству заметно меньше, чем корреляция между двумя рассмотренными выше индикаторами отношения к потестарному гендерному неравенству.

⁵ Кодировка переменной C001 представляется неоправданной, поэтому мы провели ее перекодировку по той же самой схеме, какую имеет переменная D066: 1=согласен, 2=не имеет значения, 3=не согласен.

Источник данных: WVS 2018.

Примечание: $r = 0.701$, $R^2 = 0.491$, $p < 0.001$.

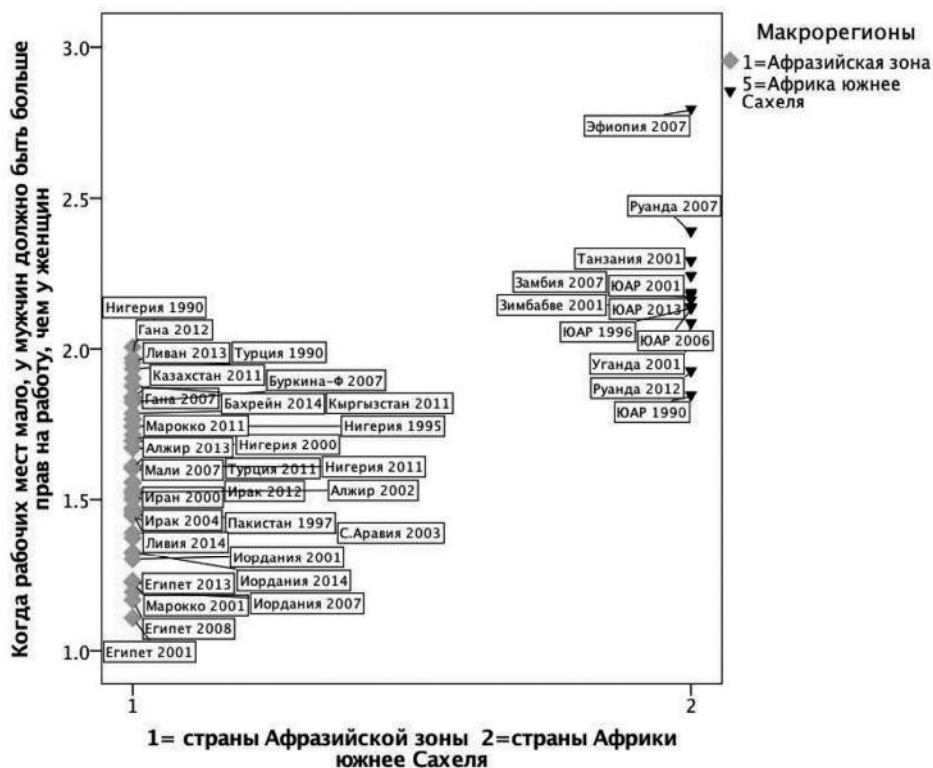
Рис. 7. Корреляция между отношением к тому, что жена зарабатывает больше, чем ее муж, и что у мужчин должно быть больше прав на работу

Между странами Запада, образующими верхний правый кластер, и странами Латинской Америки, плотно примыкающими к западному кластеру, наблюдается крайне незначительная разница в отношении к тому, что мужчина должен иметь больше прав на работу, чем женщина. С одной стороны, жители стран Латинской Америки заметно более негативно реагируют, если жена зарабатывает больше мужа, чем существенно отличаются от стран Запада. С другой стороны, респонденты из большинства стран Азии, Восточной Европы и бывшего СССР относятся к ситуации, когда доходы жены превышают доходы ее мужа, заметно менее негативно, чем респонденты из большинства стран Латинской Америки, Африки южнее Сахеля и Африканской зоны, что несколько сближает первые в этом отношении со странами Запада. В то же самое время, жители стран Азии и Восточной Европы в большей степени, чем латиноамериканцы, склонны считать, что у мужчин должно быть больше прав на работу, чем у женщин, что, наоборот, отличает их от стран Запада.

Страны Африканской зоны снова (ср. с рис. 6) образуют достаточно тесный кластер в левой нижней части графика, соответствующий наиболее полному согласию с тем, что жена не должна зарабатывать больше мужа и у мужчин должно быть больше прав на работу. В особенности, такую позицию занимают практически те же арабские страны Африканской зоны, которые были выделены нами в первом измерении (Египет, Иордания,

Йемен, Тунис, Алжир, Ливия). К ядру кластера достаточно тесно примыкают страны Сахельской зоны (Нигерия, Гана), а также, как и в первом измерении, такой представитель центральноазиатской зоны, как исторически подвергшийся мощнейшему арабо-исламскому влиянию Узбекистан. Однако снова не вызывает большого удивления то, что, исторически подвергшиеся крайне слабому арабо-исламскому влиянию Казахстан и Кыргызстан оказались на периферии кластера ближе к кластеру стран Восточной Европы и бывшего СССР. Также отметим то, что в один кластер с афразийскими странами попала одна из стран Закавказья – Азербайджан⁶.

Особо отметим, что страны Африки южнее Сахеля на *рис. 7* достаточно определенно отличаются от стран Афразийской зоны. Однако данные по обоим показателям отношения к экономическому гендерному неравенству имеются только для трех стран этого региона, что мало для формального статистического тестирования⁷. Связано это с очень малым количеством точек данных по Африке южнее Сахеля по показателю D066 «Если жена зарабатывает больше, чем ее муж, это почти наверняка вызовет проблемы». В то же время в базе данных WVS имеется достаточное число точек данных по показателю C001 «Когда рабочих мест мало, у мужчин должно быть больше прав на работу», что дает возможность провести формальный t-тест (см. *рис. 8*).

Примечание: t-тест: $t = -8,37$, $p < 0,001$.

Рис. 8. Отношение респондентов стран Афразийской зоны и Африки южнее Сахеля к утверждению «Когда рабочих мест мало, у мужчин должно быть больше прав на работу»

⁶ Необходимая информация по Пакистану, Армении и Грузии в данном случае в базе WVS данных отсутствует.

⁷ Еще в большей степени это относится к восточно-исламскому кластеру, по которому в нашем распоряжении имеется одна точка данных.

Как мы видим, вновь между странами Афразийской зоны и Африкой южнее Сахеля наблюдаются статистически крайне высоко значимые различия касательно прав на работу для мужчин и женщин. Жители Тропической и Южной Африки, в отличие от стран Афразийской зоны, более позитивно относятся к тому, что женщины вправе получить работу, даже, если рабочих мест не хватает.

Те же самые статистически значимые различия между Афразийской зоной и Африкой южнее Сахеля прослеживаются, если сопоставления проводить не на уровне средних значений стран, а на уровне отдельных респондентов, проживающих в странах соответствующих зон (см. табл. 7).

Т а б л и ц а 7

Отношение респондентов стран Афразийской зоны и Африки южнее Сахеля к утверждению «Когда рабочих мест мало, у мужчин должно быть больше прав на работу»

		Макрорегионы		Итого
		Афразия	Африка южнее Сахеля	
Отношение к утверждению «Когда рабочих мест мало, у мужчин должно быть больше прав на работу» (C001 ⁸)	Согласен	48 357	9175	57 532
		66.2%	33.9%	57.5%
	Ни то, ни другое	8387	4377	12 764
		11.5%	16.2%	12.8%
	Не согласен	16 300	13 484	29 784
		22.3%	49.9%	29.8%
Итого		73 044	27 036	100 080
		100.0%	100.0%	100.0%

Примечание: $\rho = 0.299$, $p < 0.001$; $\gamma = 0.533$, $p < 0.001$.

Как мы видим, доля согласных с утверждением «Когда рабочих мест мало, у мужчин должно быть больше прав на работу» в странах Афразийской зоны в 2 раза выше, чем в странах Африки южнее Сахеля – в странах Афразийской зоны с этим утверждением согласны 2/3 респондентов, а в странах Тропической и Южной Африки – только 1/3. В то же время доля несогласных с этим утверждением в странах Тропической и Южной Африки в 2 раза выше, чем в странах Афразийской зоны – в странах Африки южнее Сахеля с утверждением «Когда рабочих мест мало, у мужчин должно быть больше прав на работу» не согласна почти половина респондентов, а в странах Афразийской зоны – менее 1/4.

Примечательно, что негативное отношение к экономической активности женщин в Афразийской зоне и более позитивное в странах Африки южнее Сахеля коррелирует с характерной для стран Афразийской зоны очень низкой долей экономически активных женщин в общей численности взрослого женского населения, что находится в ярком контрасте со странами Тропической и Южной Африки, для которых характерна однозначно высокая доля экономически активных женщин (см. рис. 9).

⁸ Как уже упоминалось выше, данная переменная была перекодирована.

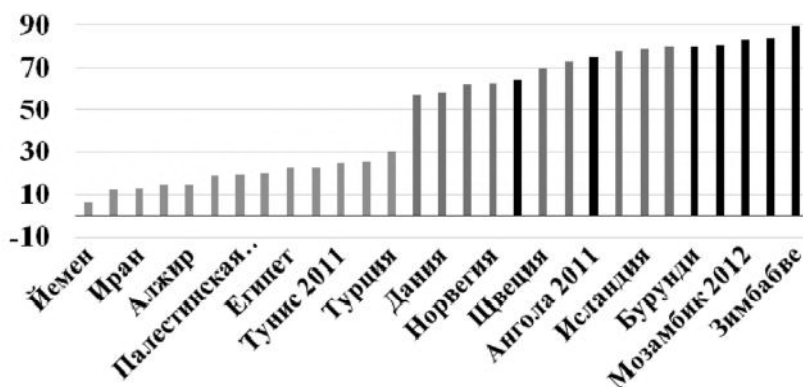

Рис. 9. Доля экономически активных женщин в общей численности женского населения, на 2014 г.
Источник данных: World Bank 2018.

Примечание. В случае отсутствия данных за 2014 г., данные указаны за ближайший предшествующий год.

Как мы видим, в тех странах, жители которых более всего убеждены, что мужчина имеет больше прав на работу, доля работающих женщин крайне мала. Однако в тех странах, где имеется твердое убеждение, что женщина, так же как и мужчина, имеет право на работу, доля экономически активных женщин значительно выше. В этом отношении Тропическая Африка находится значительно ближе к Западу, чем к Афразийской зоне.

Отметим, что статистически значимое различие (однако все же не столь сильно выраженное) по показателю отношения к праву женщин занимать рабочие места наравне с мужчинами, даже если рабочих мест не хватает, прослеживается между странами Афразийской зоны и восточно-исламскими странами (Бангладеш, Малайзия и Индонезия) (см. табл. 8):

Т а б л и ц а 8

Отношение респондентов стран Афразийской зоны и восточно-исламских стран к утверждению «Когда рабочих мест мало, у мужчин должно быть больше прав на работу»

		Макрорегионы		Итого
		Афразия	Исламские страны	
Отношение к утверждению «Когда рабочих мест мало, у мужчин должно быть больше прав на работу» (C001 ⁹)	1= согласен	48 357	4037	52 394
		66.2%	56.8%	65.4%
	2=ни то, ни другое	8387	1199	9586
		11.5%	16.9%	12.0%
	3=не согласен	16 300	1877	18 177
		22.3%	26.4%	22.7%
Итого		73 044	7113	80 157
		100.0%	100.0%	100.0%

Примечание: $\rho = 0.051$, $p < 0.001$; $\gamma = 0.160$, $p < 0.001$.

⁹ Как уже упоминалось выше, данная переменная была перекодирована.

Теперь для наглядности представим два рассмотренных нами измерения – потестарное гендерное измерение («Мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины») и экономическое гендерное измерение («Когда рабочих мест мало, у мужчин должно быть больше прав на работу») для стран Афразийской зоны в едином ценностном кластере, что может помочь нам лучше представить его структуру (см. рис. 10а–10б).

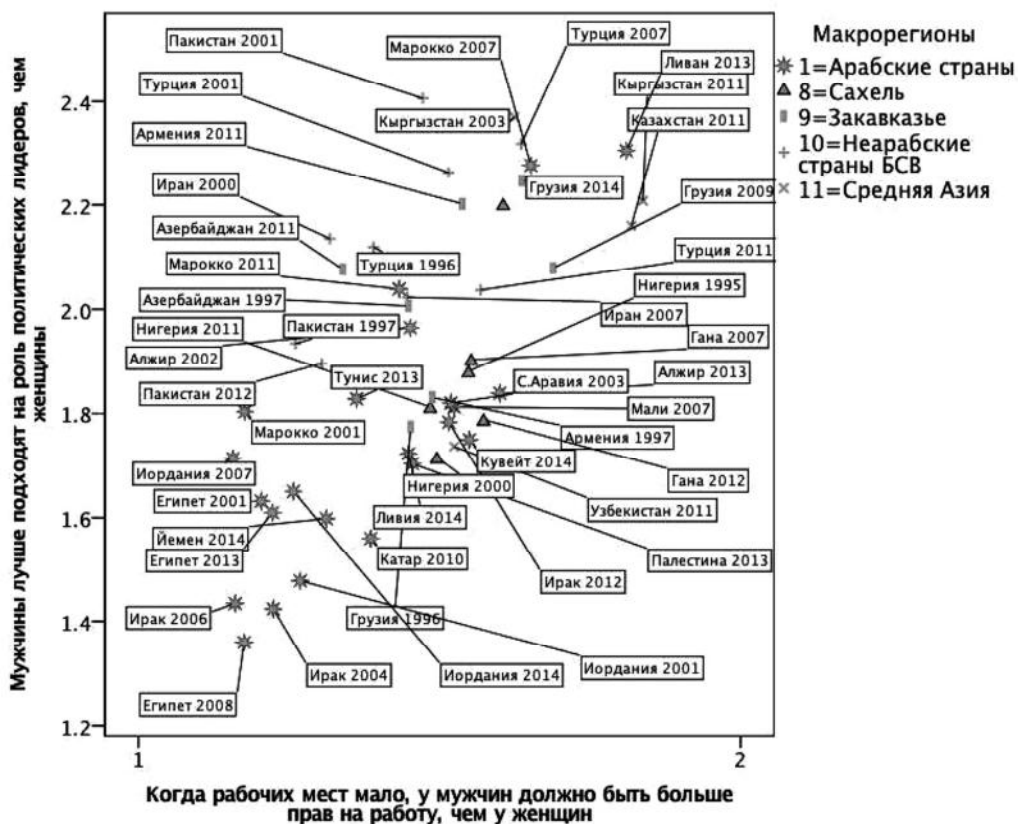

Рис. 10а. Структура афразийского ценностного кластера

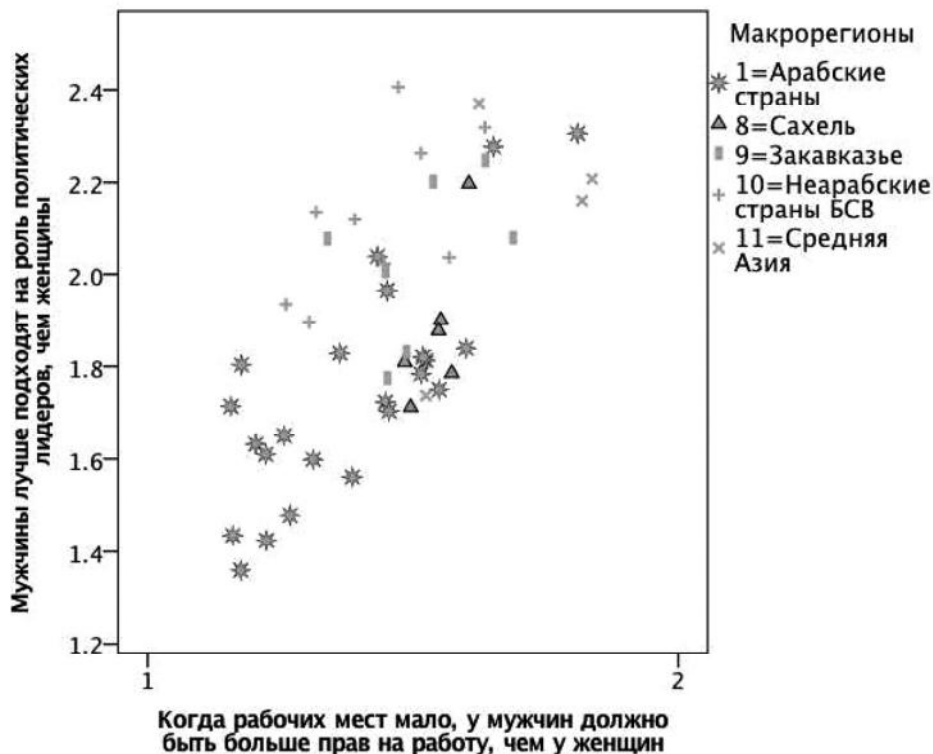

Рис. 106. Структура афразийского ценностного кластера (без маркировки стран)

Как мы видим, ядро данного ценностного кластера образуют арабские страны, для большинства из которых характерны самая низкая в мире поддержка идеи женщины как политического лидера (измерение политического гендерного неравенства) и наиболее сильно выраженная по сравнению с практически всеми странами мира установка на то, что у мужчин должно быть больше прав на работу, чем у женщин (измерение экономического гендерного неравенства).

К ядру арабских стран тесно примыкают неарабские страны Западной Азии, а также страны Сахеля; в несколько меньшей степени это относится к странам Закавказья и в особенности Средней Азии, находящейся скорее на периферии данного кластера.

Попробуем дать оценку расстояния между выделенными нами кластерами в двух рассматриваемых ценностных измерениях. Для этого воспользуемся расчетом коэффициента ранговой корреляции Спирмана. Действительно, этот коэффициент вполне может рассматриваться именно как показатель расстояния между кластерами. Посмотрим, например, как принадлежность респондентов к арабским странам, странам Сахеля, а также странам Запада коррелирует с отношением к следующему утверждению «Мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины» (D059) (см. табл. 9–10).

Т а б л и ц а 9

Отношение респондентов арабских стран и стран Сахеля к утверждению
«Мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины»

		Макрорегионы		Итого
		Арабские страны	Сахель	
Отношение к утверждению «Мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины» (D059)	Полностью согласен	18 373	4951	23 324
		54.2%	42.8%	51.3%
	Согласен	8879	3780	12 659
		26.2%	32.7%	27.9%
	Не согласен	4985	2187	7172
		14.7%	18.9%	15.8%
	Категорически не согласен	1647	652	2299
		4.9%	5.6%	5.1%
Итого		33 884	11 570	45 454
		100.0%	100.0%	100.0%

Примечание: $p = 0.094$, $p < 0.001$.

Различия между респондентами из арабских стран и стран Сахеля в плане их отношения к политическим лидерам-женщинам очень невелики. И там, и там с утверждением «Мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины» категорически не согласен лишь очень небольшой процент респондентов (4.9% в арабских странах и 5.6% в странах Сахеля), в то время как согласны с этим утверждением и там, и там абсолютное большинство респондентов – 80.4% – в арабских странах и 75.5% – в странах Сахеля. Соответственно и значение коэффициента ранговой корреляции Спирмана (ρ) очень невелико: 0.094. Различия между респондентами из арабских стран и стран Запада здесь несравненно больше (см. табл. 10).

Т а б л и ц а 10

Отношение респондентов арабских стран и стран Запада к утверждению
«Мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины»

		Макрорегионы		Итого
		Арабские страны	Запад	
Отношение к утверждению «Мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины» (D059)	Полностью согласен	18 373	2378	20 751
		54.2%	4.4%	23.7%
	Согласен	8879	8284	17 163
		26.2%	15.5%	19.6%
	Не согласен	4985	25 913	30 898
		14.7%	48.4%	35.3%
	Категорически не согласен	1647	16 948	18 595
		4.9%	31.7%	21.3%
Итого		33 884	53 523	87 407
		100.0%	100.0%	100.0%

Примечание: $p = 0.614$, $p < 0.001$.

Как мы видим, различия здесь действительно кардинальные: доля западных респондентов, полностью согласных с утверждением «Мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины», более чем в 10 раз меньше, чем в арабских странах. А доля категорически не согласных с ним – почти в 10 раз больше. В целом, если в арабских странах с этим утверждением в той или иной степени согласилось абсолютное большинство респондентов (80.4%), то в западных странах абсолютное большинство (80.1%) респондентов в той или иной степени с этим утверждением не согласилось. Соответственно и коэффициент ранговой корреляции Спирмана (ρ) в данном случае значительно выше: 0.614. Таким образом, этот коэффициент вполне можно использовать в качестве меры расстояния между теми или иными цивилизационно-региональными кластерами в соответствующих ценностных измерениях.

Рассмотрим сначала расстояния в двух рассматриваемых нами ценностных измерениях между различными кластерами Африканской зоны нестабильности (см. табл. 11).

Т а б л и ц а 11

Дистанция между арабскими странами и другими подрегионами Африканской зоны нестабильности в ценностном гендерном пространстве

Политическое гендерное измерение (Мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины) (D059)	Экономическое гендерное измерение (когда рабочих мест мало, у мужчин должно быть больше прав на работу – перекодированная C001)					
		1=Арабские страны	8=Сахель	9=Закавказье	10=Не-арабские страны БСВ	11=Средняя Азия
	1=Арабские страны	X	0.184**	0.159**	0.125**	0.176**
	8=Сахель	0.094**	X	-0.032**	-0.071**	0.022**
	9=Закавказье	0.162**	0.081**	X	-0.040**	0.052**
	10=Неарабские страны БСВ	0.255**	0.166**	0.092**	X	0.084**
	11=Средняя Азия	0.159**	0.117**	0.047**	-0.037**	X

** Различие значимо на уровне $p < 0.01$.

Как мы видим, в политическом гендерном ценностном измерении к арабским странам оказываются наиболее близки страны Сахеля, после чего следуют страны Средней Азии и Закавказья и, наконец, неарабские страны Ближнего и Среднего Востока¹⁰. В экономическом гендерном измерении ближе всего к арабским странам оказываются уже неарабские страны БСВ, затем следуют страны Закавказья, затем Средняя Азия, и, наконец, страны Сахеля.

Отличия от арабских стран цивилизационно-региональных кластеров, не входящих в Африканскую зону, несравненно более выражены (см. табл. 12).

Как мы видим, дальше всех от арабских стран и в экономическом, и в политическом гендерном измерениях отстоят страны Запада и Латинской Америки. В экономическом гендерном измерении на сопоставимом с Латинской Америкой расстоянии от арабских стран оказались страны Африки южнее Сахеля. Но они находятся заметно ближе к арабским странам в политическом гендерном измерении, где на большем расстоянии от арабских стран находятся страны Азии. Вместе с тем в экономическом гендерном измерении страны Азии ока-

¹⁰ Напомним, что наша выборка этих стран не включает в себя Израиль.

зываются несколько ближе к арабским странам, чем страны Восточной Европы (включая европейскую часть бывшего СССР), однако последние оказываются ближе к арабским странам, чем страны Азии в политическом гендерном измерении. Ближе всего к арабским странам здесь оказываются «восточно-исламские» страны (Бангладеш, Малайзия, Индонезия). За их исключением, все остальные выделенные нами цивилизационные регионы оказываются на несравненно большем отдалении от арабских стран, чем все подзоны Афразийской зоны нестабильности (Сахель, неарабские страны БСВ, Закавказье и Средняя Азия).

Действительно, коэффициент ранговой корреляции Спирмана (характеризующий в данном случае уровень отличия соответствующего региона от арабских стран) имеет для этих зон значения в интервале от 0.022 до 0.255. Для Восточной Европы, стран Запада, Латинской Америки, Африки южнее Сахеля и Азии данный коэффициент принимает значения от 0.301 до 0.614. При этом, для Запада и Латинской Америки мы имеем дело с интервалом от 0.464 до 0.614, для Африки южнее Сахеля – 0.395–0.419, для Восточной Европы – 0.348–0.356, для стран Азии – 0.301–0.415. Только восточноисламские страны находятся на расстоянии, сопоставимом с расстоянием, характерным для подзон Афразийской зоны (0.144 – в экономическом гендерном измерении и 0.248 – в политическом гендерном измерении), хотя суммарное расстояние у них оказывается несколько больше, чем у любой из подзон Афразийской зоны нестабильности.

Т а б л и ц а 1 2

Дистанция между арабскими странами и другими регионами, не входящими в Афразийскую зону нестабильности

Политическое гендерное измерение (Мужчины лучше под- ходят на роль политических лидеров, чем женщины) (D059)	Экономическое гендерное измерение (когда рабочих мест мало, у мужчин должно быть больше прав на работу – перекодированная C001)							
		1=Араб- ские страны	2=В.Европа и бывш. СССР	3=Запад	4=Латинская Америка	5=Афри- ка южнее Сахеля	6=Азия	7=В. ис- ламские страны
	1= Араб- ские страны	X	0.356**	0.464**	0.478**	0.419**	0.301**	0.144**
	2=В.Европа и бывш.СССР	0.348**	X	0.159**	0.029**	-0.021**	-0.161**	-0.144**
	3=Запад	0.614**	0.369**	X	-0.120**	-0.140**	-0.307**	-0.220**
	4=Латин- ская Амери- ка	0.536**	0.234**	-0.150**	X	-0.059**	-0.223**	-0.245**
	5=Африка южнее Сахеля	0.395**	0.055**	-0.279**	-0.162**	X	-0.144**	-0.232**
	6=Азия	0.415**	0.034**	-0.369**	-0.226**	-0.030**	X	-0.096**
	7=В.ислам- ские страны	0.248**	-0.063**	-0.329**	-0.254**	-0.136**	-0.107**	X

* * *

Проведенный анализ показывает, что по некоторым ценностным показателям, а именно по отношению к политическому и экономическому гендерному равноправию,

страны Афразийской зоны образуют достаточно компактный кластер с крайне низкими значениями поддержки данного равноправия в обоих измерениях. Страны данного кластера заметно отличаются, как от стран Африки южнее Сахеля, так и от восточно-исламских стран (Бангладеш, Индонезия и Малайзия) – в то время как, согласно известному исследованию Р. Инглхарта и К. Вельцеля (2011), все эти три зоны объединяются в единый исламско-африканский кластер.

При этом особо выражены в этих измерениях отличия стран Афразийской зоны от Африки южнее Сахеля. Восточноисламские страны достаточно сильно отличаются от стран Афразийской зоны в политическом гендерном пространстве, однако их отличия не столь выражены в экономическом гендерном пространстве, хотя и эти отличия, тем не менее, являются статистически значимыми. Данное обстоятельство неплохо коррелирует с тем, что для стран Африки южнее Сахеля характерна высокая экономическая активность женщин, что радикально отличает их от стран Афразийской зоны, для большинства которых характерны рекордно низкие показатели экономически активных женщин. В то же самое время страны восточного ислама (для которых характерны показатели доли экономически активных женщин, близкие к среднемировым) не столь сильно отличаются от стран Афразийской зоны по этому показателю (хотя эти различия все-таки достаточно значительны).

Проведенный нами анализ позволяет и взглянуть по-новому и на проблему ценностных ориентаций в арабских и неарабских исламских странах, позволяя утверждать, что здесь опасны любые абсолютизации. С одной стороны, такие исследователи, как Инглхарт, Вельцель или Александер, достаточно убедительно показали, что существует целый пласт ценностей, характерный, как для мусульманских стран, так и для мусульман в целом, вне зависимости от того, живут ли они в мусульманских или немусульманских странах, – и речь при этом идет в очень высокой степени именно о патриархальных ценностях (см., например: [Inglehart, 2002, 2007; Alexander, Welzel, 2011b, 2011c]). С другой стороны, как было показано в работе Х. Риццо и др. [Rizzo, Abdel-Latif, Meyer, 2007], между арабскими и неарабскими исламскими странами могут существовать и очень серьезные различия в ценностной сфере.

Действительно, скажем, в 2000-е гг. для арабских стран была характерна самая высокая в мире доля респондентов, согласных с утверждением «Демократия лучше, чем любая другая форма правления» (см., например: [Inglehart 2007, p. 41]). Однако в неарабских исламских странах доля согласных с этим утверждением была значительно меньше (притом что доля демократических государств была там значительно выше). При этом в неарабских исламских странах уровень поддержки гендерного равенства оказался значимо выше, чем в арабском мире (это подтвердили и результаты нашего исследования). Более того, в арабских и неарабских исламских странах связь между поддержкой гендерного равенства и приверженностью демократии оказалась прямо противоположной – в неарабских исламских странах (как, впрочем, и во всем остальном мире) поддержка гендерного равенства *положительно* коррелировала с приверженностью к демократии, т. е. лица, поддерживающие гендерное равенство, были в большей степени склонны декларировать свою приверженность демократии; в арабских странах (*в отличие от всего остального мира*) здесь наблюдалась *отрицательная* корреляция, т.е. лица, поддерживающие гендерное равенство, были склонны декларировать свою приверженность демократии в меньшей степени, чем лица, гендерное равенство отвергающие [Rizzo, Abdel-Latif, Meyer, 2007]; вполне конгруэнтные результаты были получены применительно к арабским странам и в исследовании В. Костенко, П. Кузмичева и Э. Понарина [Kostenko et al., 2014, 2016]. Таким образом, в некотором ценностном измерении мир вообще можно разделить на арабские страны и все остальные государства мира (включая и неарабские исламские страны).

Вместе с тем наше исследование показывает, что здесь важно не впадать в крайности. Да, и наше исследование, и исследование Х. Риццо и др. [Rizzo, Abdel-Latif, Meyer, 2007] показывает, что для населения неарабских исламских стран характерно значимо более позитивное отношение к гендерному равноправию, чем для населения арабских стран. Но, как мы могли это видеть выше, различие большинства неарабских исламских зон от арабской зоны, хотя и статистически значимо, значительно меньше, чем отличие любой неисламской зоны от арабского мира. В этом отношении предлагаемое многими исследователями выделение исламского ценностного мегакластера выглядит вполне оправданным – при этом в рамках данного мегакластера представляется возможным выделить арабо-мусульманский макрокластер, состоящий из арабских стран и некоторых неарабских (в большинстве своем исламских) стран, исторически испытывавших мощное воздействие арабской культуры (включая и неисламские ее элементы), который и можно отождествить с ценностным макрокластером Афразийской макророзы нестабильности...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Гринин Л.Е., Коротаев А.В., Исаев Л.М., Шишкина А.Р. Риски дестабилизации в контексте нарастающей неопределенности в «афразийской» зоне. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* 2014. Т. 5. С. 4–10 [Grinin L.E., Korotaev A.V., Isaev L.M., Shishkina A.R. Risks of Destabilization in the Context of Increasing Uncertainty in the Afrasian Zone. *The System Monitoring of Global and Regional Risks*. 2014. Vol. 5. Pp. 4–10 (in Russian)].

Инглхарт Р., Вельцель К. *Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития*. М.: Новое издательство, 2011. 464 с. [Inglehart R., Welzel K. *Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence*. Novoe izdatelstvo: Moscow, 2011 (in Russian)]. 464 p.

Коротаев А.В. Возникновение ислама: политико-антропологический контекст. *Сборник Русского исторического общества*. 2003, № 7 (155). С. 14–24 [Korotaev A.V. The Origins of Islam: Political-Anthropological Context. *Collection of the Russian Historical Society*. 2003. № 7 (155). Pp. 14–24 (in Russian)].

Коротаев А.В., Исаев Л.М. Формирование «афразийской» зоны нестабильности. *Арабский кризис и его международные последствия*. Ред. А.М. Васильев, А.Д. Саватеев, Л.М. Исаев. М.: Ленанд/URSS, 2014. С. 206–227 [Korotaev A.V., Isaev L.M. The Formation of the Afrasian Zone of Instability. *Arab Crisis and its International Consequences*. A.M. Vasilev, A.D. Savateev, L.M. Isaev. (Ed.). M.: Lenand/URSS, 2014. Pp. 206–227 (in Russian)].

Коротаев А.В., Исаев Л.М., Руденко М.А. Ортокузенный брак, женская занятость и «афразийская» зона нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. 2014. Т. 5. С. 180–207 [Korotaev A.V., Isaev L.M., Rudenko M.A. Ortos Cousin Marriage, Female Employment and the Afrasian Zone of Instability. *The System Monitoring of Global and Regional Risks*. 2014. Vol. 5. Pp. 180–207 (in Russian)].

Коротаев А.В., Исаев Л.М., Руденко М.А. Формирование афразийской зоны нестабильности. *Восток (Oriens)*. 2015. № 2. С. 88–99 [Korotaev A.V., Isaev L.M., Rudenko M.A. The Formation of the Afrasian Zone of Instability. *Vostok (Oriens)*. 2015. № 2. Pp. 88–99 (in Russian)].

Коротаев А.В., Исаев Л.М., Шишкина А.Р. Афразийская зона нестабильности и анализ глобальных дестабилизационных рисков в свете теории длинных волн. *Кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн*. Под редакцией Л.Е. Гринина, А.В. Коротаева, Р.С. Гринберга. М.: Учитель, 2016. С. 295–307 [Korotaev A.V., Isaev L.M., Shishkina A.R. Afrasian Zone of Instability and Analysis of Global Destabilization Risks under the Light of the Long Wave Theory. *Crises and Forecasts under the Light of the Long Wave Theory* / L.E. Grinin, A.V. Korotaev, R.S. Grinberg (Eds.). Uchitel, Moscow, 2016. Pp. 295–307 (in Russian)].

Коротаев А.В., Клименко В.В., Прусаков Д.Б. *Возникновение ислама: Социально-экологический и политико-антропологический контекст*. М.: ОГИ, 2007. 112 с. [Korotaev A.V., Klimenko V.V., Prusakov D.B. *The Emergence of Islam: Social-Ecological and Political-Anthropological Context*. M.: OGI, 2007. 112 p.].

Prusakov D.B. *The Origins of Islam: Social-Environmental and Political-Anthropological context*. Moscow, 2007 (in Russian)].

Коротаев А.В., Столярова Т.И., Халтурина Д.А. Религиозность в странах современного мира: сравнительный анализ. *Историческая психология и социология истории*. 2012. Т. 5, № 2. С. 18–27 [Korotaev A.V., Stolyarova T.I., Khalturina D.A. Religiosity in the modern world: a comparative analysis. *Historical psychology and sociology of history*. 2012. Vol. 5, № 2. Pp. 18–27 (in Russian)].

Коротаев А.В., Халтурина Д.А. *Современные тенденции мирового развития*. М.: URSS, 2008 240 с. [Korotaev A.V., Khalturina D.A. *Modern Trends of Global Development*. Moscow: URSS, 2008 (in Russian)]. 240 p.

Костенко В.В. Гендерные установки мигрантов-мусульман в Северной и Западной Европе. *Социологические исследования* 2014, № 11. С. 52–59 [Kostenko V.V. Gender Attitudes of Muslim Migrants in Northern and Western Europe. *Sociological Studies*. 2014, № 11. Pp. 52–59 (in Russian)].

Костенко В.В. (2017a). Гендерные установки мигрантов-мусульман в Западной Европе: многоуровневый ненерархический анализ. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2017. № 1 (137). С. 97–120 [Kostenko V.V. (2017a). Gender attitudes of Muslim migrants in Western Europe: a multilevel non-hierarchical analysis. *The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 1 (137). Pp. 97–120 (in Russian)].

Костенко В.В. (2017b). Проблемы гендерного неравенства на арабском Востоке. *Азия и Африка сегодня*. 2017. № 9. С. 61–66 [Kostenko V.V. (2017b). Problems of Gender Inequality in the Arab Countries. *Asia and Africa Today*. 2017. № 9. Pp. 61–66 (in Russian)].

Лопатина С.Л., Костенко В.В., Понарин Э.Д. Дело не в исламе: отношение к абортam, разводам и добрачному сексу в девяти постсоветских государствах. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2016. 19(3). С. 95–115 [Lopatina S.L., Kostenko V.V., Ponarin E.D. It's not about Islam: attitudes towards abortion, divorce, and pre-marital sex in 9 post-Soviet countries. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2016. 19(3). Pp. 95–115 (in Russian)].

Стребкова О.Н., Понарин Э.Д., Костенко В.В. Проверка измерительной инвариантности: случай порядковых переменных (на примере гендерного эгалитаризма в арабских странах). *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. 2017. № 44. С. 7–36 [Strebkova O.N., Ponarin E.D., Kostenko V.V. Checking measurement invariance: the case of ordinal variables (exemplified by gender egalitarianism in the Arab countries). *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovaniye*. 2017. № 44. Pp. 7–36 (in Russian)].

Тищенко С.М., Коротаев А.В., Халтурина Д.А. Социопсихологические параметры стран и цивилизаций мира. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. 2010. № 2. С. 379–410 [Tishchenko S.M., Korotaev A.V., Khalturina D.A. Sociopsychological parameters of countries and civilizations. *The System Monitoring of Global and Regional Risks*. 2010. № 2. Pp. 379–410 (in Russian)].

Халтурина Д.А., Коротаев А.В. Системный мониторинг глобального и регионального развития. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. 2009. Т. 1. С. 11–188 [Khalturina D.A., Korotaev A.V. System monitoring of global and regional development. *The System Monitoring of Global and Regional Risks*. 2009. Vol. 1. Pp. 11–188 (in Russian)].

Abbott P. Gender equality and MENA women's empowerment in the aftermath of the 2011 uprisings. *Arab Transformations working paper*. 2017. <https://ssrn.com/abstract=2902890> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2902890> (accessed 10.05.2018).

Achilov D., Sen S. Got political Islam? Are politically moderate Muslims really different from radicals? *International Political Science Review*. 2016. 38/5. Pp. 608–624.

Afshah H. Faith and freedom: Women's human rights in the Muslim world. *Development in Practice*. 1996. № 6(3). Pp. 272–278.

Ajrouch K.J. Arab-American immigrant elders' views about social support. *Ageing & Society*. 2005. №25(5). Pp.655–673.

Al Omoush K.S., Yaseen S.G., Alma'Aitah M.A. The impact of Arab cultural values on online social networking: The case of Facebook. *Computers in Human Behavior*. 2012. № 28(6). Pp. 2387–2399.

Al-Braizat F. Muslims and Democracy: An Empirical Critique of Fukuyama's Culturalist Approach. *International Journal of Comparative Sociology*. 2002. № 43. Pp. 269–99.

Al-Kandari A., Gaither T.K. Arabs, the west and public relations: A critical/cultural study of Arab cultural values. *Public Relations Review*. 2011. № 37(3). Pp. 266–273.

- Al-Najjar A. Contesting patriotism and global journalism ethics in Arab journalism. *Journalism studies*. 2011. № 12(6). Pp. 747–756.
- Alexander A., Welzel C. (2011a). Empowering women: the role of emancipative beliefs. *European sociological review*. 2011. № 27(3). Pp. 364–384.
- Alexander A.C., Welzel C. (2011b). Islam and patriarchy: how robust is Muslim support for patriarchal values? *International Review of Sociology*. 2011. № 21(2). Pp. 249–276.
- Alexander A.C., Welzel C. (2011c). Islam and patriarchy: how robust is Muslim support for patriarchal values? *World Values Research*. 2011. № 4(2). Pp. 40–70.
- Alexander A.C., Welzel C. Eroding patriarchy: the co-evolution of women's rights and emancipative values. *International Review of Sociology*. 2015. № 25(1). Pp. 144–165.
- Ali A. Islamic work ethics in Arabia. *Journal of Psychology*. 1992. 126(5). Pp. 507–519.
- Ali A., Taqi A., Krishman K. Individualism, collectivism, and decision styles of managers in Kuwait. *Journal of Social Psychology*. 1997. № 137(5). Pp. 629–637.
- Ashraf S.A. *The Westhill project RE 5–16: Islam: teacher's manual*. London, Mary Glasgow, 1988.
- Ayubi N. *Political Islam: religion and politics in the Arab world*. Routledge, 1991. 291 p.
- Baker W. The cultural heritage of Arabs, Islam, and the Middle East. Dallas, TX: Brown Books, 2003. 192 p.
- Ball C., Haque A. Diversity in religious practice: Implications of Islamic values in the public workplace. *Public Personnel Management*. 2003. № 32(3). Pp. 315–330.
- Barakat H. *The Arab world: society, culture, and state*. Berkeley, LA: University of California Press, 1993. 368 p.
- Basit T.N. *Eastern values; Western milieu: Identities and aspirations of adolescent British Muslim girls*. Routledge, 2017. 206 p.
- Beitin B.K., Aprahamian M. Family values and traditions. *Biopsychosocial perspectives on Arab Americans*. Springer, Boston, MA, 2014. Pp. 67–88.
- Cesari J. *When Islam and democracy meet: Muslims in Europe and in the United States*. Springer, 2004. 267 p.
- Chun W., Singh N., Sobh R., Benmamoun M. A comparative analysis of Arab and US cultural values on the web. *Journal of Global Marketing*. 2015. № 28(2). Pp. 99–112.
- Ciftci S., Bernick E.M. Utilitarian and modern: clientelism, citizen empowerment, and civic engagement in the Arab world. *Democratization*. 2015. № 22(7). Pp. 1161–1182.
- Cukur C.S., De Guzman M.R.T., Carlo G. Religiosity, values, and horizontal and vertical individualism – Collectivism: A study of Turkey, the United States, and the Philippines. *The Journal of social psychology*. 2004. 144(6). Pp. 613–634.
- Diez-Nicolás J. Two Contradictory Hypotheses on Globalization: Social Convergence or Civilization Differentiation and Clash. *Human Values and Social Change*. Ed. by R. Inglehart. Leiden-Boston: Brill, 2003. Pp. 235–63.
- Dorfman P.W., Howell J.P. Dimensions of national culture and effective leadership patterns: Hofstede revisited. *Advances in International Comparative Management*. 1988. № 3. Pp. 127–150.
- Elamin A.M., Omair K. Males' attitudes towards working females in Saudi Arabia. *Personnel Review*. 2010. № 39(6). Pp. 744–766.
- Esmer Y. 'Is There an Islamic Civilization?'. *Comparative Sociology*. 2002. № 1. Pp. 265–98.
- Fattah M.A. *Democratic values in the Muslim world*. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 2006. 205 p.
- Federspiel H.. Islamic values, law and expectations in contemporary Indonesia. *Islamic Law and Society*. 1998. 5(1), Pp. 90–117.
- Fernea E.W. Family. *The Oxford encyclopedia of the modern Islamic world*. J. L. Esposito (Ed.). Vol. 1. New York: Oxford University Press, 1995. Pp. 458–461.
- Fish M.S. Islam and Authoritarianism. *World Politics*. 2002. № 55(1). Pp. 4–37.
- Forster G., Fenwick J. The influence of Islamic values on management practice in Morocco. *European Management Journal*. 2015. № 33(2). Pp. 143–156.
- Fox A.M., Alzwawi S.A., Refki D. Islamism, secularism and the woman question in the aftermath of the Arab Spring: evidence from the Arab barometer. *Politics & Governance*. 2016. № 4(4). Pp. 40–57.
- Fuller G.E. The future of political Islam. *The Future of Political Islam*. Palgrave Macmillan, New York, 2003. Pp. 193–213.

- Gibson J.L. Alternative Measures of Political Tolerance: Must Tolerance Be 'Least-Liked'? *American Journal of Political Science*. 1992.36(2). Pp. 560–77.
- Glas S., Spierings N., Scheepers P. Re-understanding religion and support for gender equality in Arab countries. *Gender & Society*. 2018. № 32(5). Pp. 686–712.
- Glidden H.W. The Arab World. *American Journal of Psychiatry*. 1972. № 128(8). Pp. 984–988.
- Göle N. Snapshots of Islamic modernities. *Multiple modernities*,. Routledge, 2017. Pp. 91–118.
- Grinin L., Korotayev A. *Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective*. Dordrecht – Heidelberg – New York: Springer, 2015. 167 p.
- Grinin L., Korotayev A., Tausch A. *Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy. World System and World Values Perspectives*. Dordrecht – Heidelberg – New York: Springer, 2018. 364 p.
- Haddad Y.Y., Smith J.I. Islamic values among American Muslims. *Family and gender among American Muslims*. B.C. Aswad & B. Bilge (Eds.). Philadelphia: Temple University Press, 1996. Pp. 19–40.
- Halstead J.M. Islamic values: a distinctive framework for moral education? *Journal of Moral Education*. 2007. № 36(3). Pp. 283–296.
- Hammoudeh M.M. *Islamic values and management practices: Quality and transformation in the Arab world*. Routledge, 2016. 194 p.
- Hanafi H. Alternative conceptions of civil society: A reflective Islamic approach. *Alternative conceptions of civil society*. 2002. Pp. 171–189.
- Harahap S. The disclosure of Islamic values–annual report. The analysis of Bank Muamalat Indonesia's annual report. *Managerial Finance*. 2003. № 29(7). Pp. 70–89.
- Hayes B.C., McAllister I., Studlar D.T. Gender, postmaterialism, and feminism in comparative perspective. *International, Political Science Review*. 2000. № 21(4). Pp. 425–439.
- Haynes A.W., Eweiss M.M.I., Mageed L.M.A., Chung D.K. Islamic social transformation: Considerations for the social worker. *International Social Work*. 1997. № 40. Pp. 265–275.
- Hodge D.R. Working with Muslim youths: Understanding the values and beliefs of Islamic discourse. *Children & Schools*. 2002. № 24(1). Pp. 6–20.
- Hodge D.R. Social work and the house of Islam: Orienting practitioners to the beliefs and values of Muslims in the United States. *Social work*. 2005. № 50(2). Pp. 162–173.
- Hoffman M., Jamal A. Religion in the Arab Spring: between two competing narratives. *Journal of Politics*. 2014. № 76(3). Pp. 593–606.
- Hofstede G. *Culture's consequences: International differences in work-related values*. Beverly Hills, CA: Sage, 1980.
- Husain S.A. Religion and mental health from the Muslim perspective. *Handbook of religion and mental health*. H.G. Koenig (Ed.). San Diego, CA, US: Academic Press, 1998. Pp. 279–290.
- Inglehart R. Islam, gender, culture, and democracy. *International Journal of Comparative Sociology*. 2002. № 43(3–5). Pp. 224–228.
- Inglehart R. (2003a). *Human Values and Social Change*. Leiden-Boston: Brill, 2003. 285 p.
- Inglehart R. (ed.). (2003b). *Islam, Gender, Culture and Democracy: Findings from the World Values Survey and the European Values Survey*. Willowdale, ON: Sitter Publications, 2003. 340 p.
- Inglehart R.F. The worldviews of Islamic publics in global perspective. *Values and perceptions of the Islamic and Middle Eastern publics* (Ed. by M. Moaddel). New York: Palgrave Macmillan, 2007. Pp. 25–46.
- Inglehart R. Changing Values in the Islamic World and the West. *Values, Political Action, and Change in the Middle East and the Arab Spring*. Ed. by M. Moaddel and M. Gelfand. New York: Oxford University Press, 2017. Pp. 3–24.
- Inglehart R., Baker W.E. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values. *American sociological review*. 2000. № 65/1. Pp. 19–51.
- Inglehart R., Norris P. (2003a). *Rising Tide*. New York: Cambridge University Press, 2003.
- Inglehart R., Norris P. (2003b). The True Clash of Civilizations. *Foreign Policy*. March/April, 2003. Pp. 62–70.
- Inglehart R., Welzel C. *Modernization, cultural change, and democracy: The human development sequence*. Cambridge University Press, 2005. 330 p.
- Jafari M.F. Counseling values and objectives: A comparison of western and Islamic perspectives. *The American Journal of Islamic Social Sciences*. 1993. № 10. Pp. 326–339.

- Jamal A.A., Tessler M.A. Attitudes in the Arab world. *Journal of Democracy*. 2008. № 19(1). Pp. 97–110.
- Jandt F. *An introduction to intercultural communication: Identities in a global community*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2006. 444 p.
- Johns A.H. An Islamic System or Islamic Values? Nucleus of a Debate in Contemporary Indonesia. *Islam and the Political Economy of Meaning: Comparative Studies of Muslim Discourse*. 1987. Pp. 254–280.
- Joma H.A.A.S. *The Earth as a mosque: Integration of the traditional Islamic environmental planning ethic with agricultural and water development policies in Saudi Arabia*. University of Pennsylvania, 1991. 89 p.
- Joseph S. Patriarchy and development in the Arab world. *Gender & Development*. 1996. № 4(2). Pp. 14–19.
- Kabasakal H., Bodur M. Arabic cluster: a bridge between East and West. *Journal of World Business*. 2002. № 37(1). Pp. 40–54.
- Kabeer N. The quest for national identity: Women, Islam and the state in Bangladesh. *Women, Islam and the State*, Palgrave Macmillan, London, 1991. Pp. 115–143.
- Karatnycky A. Muslim countries and the democracy gap. *Journal of democracy*. 2002. № 13(1). Pp. 99–112.
- Kelly E.W., Aridi A., Bakhtiar L. Muslims in the United States: An exploratory study of universal and mental health values. *Counseling and Values*. 1996. № 40(3). Pp. 206–218.
- Kenny J. *Philosophy of the Muslim world: authors and principal themes*, 2003. Vol. 14. CRVP.
- Khan M.S. Humanism and Islamic education. *Muslim Education Quarterly*, 1987. № 4(3). Pp. 25–35.
- Khan M.Z. *Gardens of the Righteous*. London: Routledge, 2012. 348 p.
- Kim U., Triandis H.C., Kagitcibasi C., Choi S.C., Yoon G. *Individualism and collectivism: Theory, method, and application*. Thousand Oaks, CA: Sage, 1994. 400 p.
- Korotayev A.V. Parallel Cousin (FBD) Marriage, Islamization, and Arabization. *Ethnology*. 2000. № 39/4. Pp. 395–407.
- Korotayev A., Issaev L., Rudenko M., Shishkina A., Ivanov E. Afrasian Instability Zone and Its Historical Background. *Social Evolution & History*. 2016. № 15(2). Pp. 120–140.
- Korotayev A.V., Issaev L.M., Shishkina A.R. Women in the Islamic Economy: a Cross-Cultural Perspective. *St Petersburg Annual of Asian and African Studies*. 2013. № 2. Pp. 105–116.
- Korotayev A.V., Issaev L.M., Shishkina A.R. Female labor force participation rate, Islam, and Arab culture in cross-cultural perspective. *Cross-Cultural Research*. 2015. № 49(1). Pp. 3–19.
- Kostenko V., Kuzmichev P., Ponarin E. *Attitudes towards gender equality and perception of democracy in the Arab world*. Research paper no. WP BRP 50/SOC/2014. Higher School of Economics, Moscow, 2014.
- Kostenko V.V., Kuzmichev P.A., Ponarin E.D. Attitudes towards gender equality and perception of democracy in the Arab world. *Democratization*. 2016. № 23(5). Pp. 862–891.
- Kulwicki A. Health issues among Arab Muslim families. *Family and gender among American Muslims*, B.C. Aswad & B. Bilge (Eds.). Philadelphia: Temple University Press, 1996. Pp. 187–207.
- Mahmoud V. African American Muslim families. *Ethnicity and family therapy*, 2nd ed. M. McGoldrick, J. Giordano, J.K. Pearce (Eds.). New York: Guilford Press, 1996. Pp. 122–128.
- Metcalfe B.D. Women, empowerment and development in Arab Gulf States: a critical appraisal of governance, culture and national human resource development (HRD) frameworks. *Human Resource Development International*. 2011. № 14(2). Pp. 131–148.
- Moaddel M. The Saudi Public Speaks: Religion, Gender, and Politics. *International Journal of Middle East Studies*. 2006. № 38. Pp. 79–108.
- Moaddel M. (2007a). The Saudi public speaks: Religion, gender, and politics. *Values and perceptions of the Islamic and Middle Eastern publics*. New York: Palgrave Macmillan, 2007. Pp. 209–246.
- Moaddel M. ed., (2007b). *Values and perceptions of the Islamic and Middle Eastern publics*. Dordrecht: Springer, 2007. 355 p.
- Muchtar N., Hamada B.I., Hanitzsch T., Galal A., Masduki & Ullah M.S. Journalism and the Islamic Worldview: Journalistic roles in Muslim-majority countries. *Journalism Studies*. 2017. № 18(5). Pp. 555–575.
- Nasr S.H. *The heart of Islam: Enduring values for humanity*. Zondervan, 2009. 352 p.

- Norris P., Inglehart R. *Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004. 392 p.
- Norris P., Inglehart R. Islamic Culture and Democracy: Testing the “Clash of Civilizations” Thesis. *Comparative Sociology*, 2002. № 1. Pp. 235–63.
- Norris P., Inglehart R.F. Muslim integration into Western cultures: Between origins and destinations. *Political Studies*. 2012. 60(2), Pp. 228–251.
- Osman F. Islamic Values in the United States. *Journal of Islamic Studies*. 1997.Vol. 8, No. 2, Pp. 290–293.
- Panjwani F.. From “Islamic” values to “religio-secular” values in Muslim contexts. *The Routledge international handbook of education, religion and values*. 2013. P. 158.
- Panjwani F., Moulin-Stožek D. Muslims, schooling and the limits of religious identity. *Oxford Review of Education*. 2017.Vol. 43. Pp. 519–523.
- Parboteeah K.P., Paik Y., Cullen J.B. Religious groups and work values: A focus on Buddhism, Christianity, Hinduism, and Islam. *International Journal of Cross Cultural Management*. 2009. 9(1). Pp. 51–67.
- Paxton P., Kunovich Sh. Women’s Political Representation: The Importance of Ideology. *Social Forces*. 82.1. Pp. 87–113.
- Pettersson T. Muslim immigrants in Western Europe: Persisting value differences or value adaptation? In *Values and Perceptions of the Islamic and Middle Eastern Publics* Palgrave Macmillan, New York. 2007. Pp. 71–102.
- Pintak L., Setiyono B. The mission of Indonesian journalism: Balancing democracy, development, and Islamic values. *The International Journal of Press/Politics*. 2011. 16(2), Pp. 185–209.
- Ponarin E.D., Kostenko V.V. Attitude to Gender Equality in the Arab East. *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2013. Т. 6. № 12. С. 1838–1846.
- Rafiki A., Wahab K.A. Islamic values and principles in the organization: A review of literature. *Asian Social Science*. 2014. 10(9), Pp. 1–7.
- Richardson P.M. Possible influences of Arabic-Islamic culture on the reflective practices proposed for an education degree at the Higher Colleges of Technology in the United Arab Emirates. *International Journal of Educational Development*. 2004. 24(4). Pp. 429–436.
- Rizzo H., Abdel-Latif A.H., Meyer K. The relationship between gender equality and democracy: A comparison of Arab versus non-Arab Muslim societies. *Sociology*. 2007. 41(6). Pp. 1151–1170.
- Robertson C.J., Al-Khatib J. A., Al-Habib M. The relationship between Arab values and work beliefs: An exploratory examination. *Thunderbird International Business Review*. 2002. 44. Pp. 583–601.
- Rowley C.K., Smith N. Islam’s democracy paradox: Muslims claim to like democracy, so why do they have so little? *Public Choice*, 2009. 139(3-4). Pp. 273–299.
- Roy O. *The failure of political Islam*. Harvard University Press. 1996. 256 p.
- Shane S., Venkataraman S., MacMillan I. Cultural differences in innovation championing strategies. *Journal of Management*, 1995. 21. Pp. 931–952.
- Shirokanova A. A comparative study of work ethic among Muslims and Protestants: Multilevel evidence. *Social Compass*. 2015. 62(4), Pp. 615–631.
- Sibai A., Yamout R. Family-based old-age care in Arab countries: between tradition and modernity (63–76). *Population dynamics in Muslim countries: assembling the jigsaw*. Heidelberg – Berlin: Springer, 2012.
- Simmons C., Simmons C., Allah M.H. English, Israeli-Arab and Saudi Arabian adolescent values. *Educational Studies*. 1994. 20(1). Pp. 69–86.
- Spierings N. The influence of Islamic orientations on democratic support and tolerance in five Arab countries. *Politics and Religion*. 2014. 7(4). Pp. 706–733.
- Stockemer D. Women’s descriptive representation in developed and developing countries. *International Political Science Review*. 2015. 36(4). Pp. 393–408.
- Sullivan J.L., Marcus G., Feldman S., Pierson J.E. The Sources of Political Tolerance: A Multivariate Analysis.” *American Political Science Review*. 1981. 75(1). Pp. 92–106.
- Tafti S.F., Hosseini S.F., Emami S.A. Assessment the corporate social responsibility according to Islamic values (case study: Sarmayeh Bank). *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2012. № 58. Pp. 1139–1148.

- Tausch A. A look at international survey data about Arab opinion. *Middle East Review of International Affairs*. 2013. № 17(3). Pp. 57.
- Tausch A. The new global antisemitism: Implications from the recent AdI-100 data. *Middle East Review of International Affairs*, 2014. № 18(3). Pp. 46
- Tausch A. (2015a). The fertile grounds for ISIL terrorism. *Telos Crit Theory Contemp*. 2015. № 171. Pp. 54–75.
- Tausch A. (2015b). Estimates on the global threat of Islamic State terrorism in the face of the 2015 Paris and Copenhagen attacks. *Middle East Review of International Affairs*. 2015. № 19(1). Pp. 37–58.
- Tausch A. (2015c). Further insight into global and Arab Muslim opinion structures: statistical reflections on the 2013 Pew Report ‘The World’s Muslims’. *Middle East Review of International Affairs*. 2015. № 18(1). Pp. 8–24.
- Tausch A. (2016a). Islamism and antisemitism. Preliminary evidence on their relationship from cross-national opinion data. *Social Evolution History*, 2016. № 15(2). Pp. 50–99
- Tausch A. (2016b). The civic culture of the Arab world: a comparative analysis based on world values survey data. *Middle East Review of International Affairs*, 2016. № 20(1). Pp. 35–59.
- Tausch A. Occidentalism, terrorism, and the Shari’ah State: new multivariate perspectives on Islamism based on international survey data (January 12, 2017.). <https://ssrn.com/abstract=2731640> or <http://doi.org/10.2139/ssrn.2731640> (accessed 10.05.2018).
- Tessler M., Altinoglu E. Political Culture in Turkey: Connections Among Attitudes Toward Democracy, the Military and Islam. *Democratization*. 2004. № 11. Pp. 22–51.
- Tessler M. (2002a). Do Islamic orientations influence attitudes toward democracy in the Arab world? Evidence from Egypt, Jordan, Morocco, and Algeria. *International Journal of Comparative Sociology*. 2002. № 43(3–5). Pp. 229–249.
- Tessler M. (2002b). Islam and democracy in the Middle East: The impact of religious orientations on attitudes toward democracy in four Arab countries. *Comparative Politics*, 2002. 34(3). Pp. 337–354.
- Tessler M. Arab and Muslim political attitudes: Stereotypes and evidence from survey research. *International Studies Perspectives*. 2003. 4(2). Pp.175–181.
- Tlaiss H., Kauser S. The impact of gender, family, and work on the career advancement of Lebanese women managers. *Gender in Management: An International Journal*. 2011. № 26(1). Pp. 8–36.
- Vitell S., Nwachukwu S., Barnes J. The effects of culture on ethical decision-making: An application of Hofstede’s typology. *Journal of Business Ethics*. 1993. № 12. Pp. 753–760.
- Whiteoak J.W., Crawford N.G., Mapstone R.H. Impact of gender and generational differences in work values and attitudes in an Arab culture. *Thunderbird International Business Review*. 2006. № 48(1). Pp. 77–91.
- World Bank 2018. Labor Force Participation Rate, Female. World Development Indicators Database. Washington, DC: World Bank. [https://data.worldbank.org/indicator/SL.TLF.CACT.FE.NE.ZS_\(accessed 12.05.2018\)](https://data.worldbank.org/indicator/SL.TLF.CACT.FE.NE.ZS_(accessed 12.05.2018)).
- WVS 2018. *World Values Survey Database*. Vienna: Institute for Comparative Survey Research. <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>
- Yaran C.S. *Islamic Thought on The Existence of God: with contributions from Contemporary Western philosophy of religion*. 2003. Vol. 16. CRVP.
- Yeganeh H., May D. Cultural values and gender gap: A cross-national analysis. *Gender in Management: An International Journal*. 2011. № 26(2). Pp. 106–121.
- Yousef D.A. Organizational commitment and job satisfaction as predictors of attitudes toward organizational change in a non-western setting. *Human Relations*. 2000. № 53. Pp. 513–537.
- Yousef D.A. Islamic work ethic: A moderator between organizational commitment and job satisfaction in a cross-cultural context. *Personnel Review*, 2001. № 30. Pp.152–164.
- Zakaria F. *The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad*. New York WW Norton & Company, 2003. 301 p.
- Zolberg A.R., Woon L.L. Why Islam is like Spanish: cultural incorporation in Europe and the United States. *Politics & Society*. 1999. №27(1). Pp. 5–38.
- Zuhur S. Sexuality. *The Oxford encyclopedia of the modern Islamic world*. Vol. 4. J.L. Esposito (Ed.). New York: Oxford University Press, 1995. Pp. 35–37.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

КОРОТАЕВ Андрей Витальевич, доктор исторических наук, профессор, зав. Лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации НИУ ВШЭ; г.н.с. Института Африки РАН, Россия. Scopus Author ID:700394048.	Andrey V. KOROTAYEV, Dr.Sc. (History), Professor, Head, Laboratory for Monitoring the Risks of Socio-Political Destabilization, National Research University Higher School of Economics; Chief Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences.
МЕЩЕРИНА Кира Владимировна, м.н.с. Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации НИУ ВШЭ; м.н.с. Центра глобальных и стратегических исследований Института Африки РАН, Россия. Scopus Author ID:57195965477.	Kira V. MESHCHERINA, Junior Research Fellow, Laboratory for Monitoring the Risks of Socio-Political Destabilization, National Research University Higher School of Economics; Junior Research Fellow, Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences.
СЛИНЬКО Елена Викторовна, канд. филос. наук, руководитель Центра исследований международного информационного агентства «Россия сегодня». Scopus Author ID: 57192910888.	Elena V. SLINKO, Candidate of Philosophical Sciences Head of the Research Center of the International Information Agency "Russia Today"
ШИШКИНА Алиса Романовна, кандидат политических наук, м.н.с. Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации НИУ ВШЭ; м.н.с. Института Африки РАН, РФ. Scopus Author ID:56459981300.	Alisa R. SHISHKINA, PhD (in Political Sciences), Junior Research Fellow, Laboratory for Monitoring the Risks of Socio-Political Destabilization, National Research University Higher School of Economics; Junior Research Fellow, Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences.